

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Факультет филологии и журналистики

Кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Направление подготовки 45.04.01 Филология

Лексика временного континуума в текстах Ли Бо

ОГУ 45.04.01. 1318. 114 ОО

Руководитель программы
д-р пед. наук, профессор

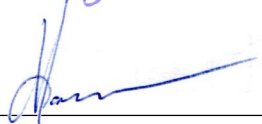
И.И. Просвиркина

Научный руководитель
д-р пед. наук, профессор

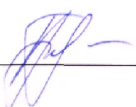
И.И. Просвиркина

Научный консультант
д-р истор. наук, профессор

А.А. Маслов

Студент

Т.А. Булахтина

Оренбург 2018

Аннотация

Выпускная квалификационная работа посвящена исследованию лексики временного континуума в произведениях известного китайского поэта эпохи династии Тан – Ли Бо.

В первой главе анализируются современные научные исследования о презентации категории времени в различных языках, осмысливается категория времени в китайской языковой картине мира.

Во второй главе проанализированы различные способы выражения временных категорий в стихотворениях китайского поэта Ли Бо. Выделены темпоральные лексические единицы, указывающие на время («сегодня», «в прошлом»), описаны некоторые символы («тень бамбука», «кокосовый крик», «ветер с Востока» и т. д.). Автор приходит к выводу, что важную роль в поэтической системе Ли Бо сыграли художественные средства выразительности, такие как антитеза («Поздняя ночь – раннее утро» (сяо – сяо), «осень – весна» (цю – чунь) и т. д), прецедентные феномены.

В стихотворениях Ли Бо «время» является символом сиюминутности жизни, обретение внезапной мудрости. Понимание глубинного смысла темпоральных лексических единиц, с помощью которых фиксируется «время» в поэтическом тексте Ли Бо, невозможно без расшифровки прецедентных феноменов и символов китайского языкового сознания, отражающего национальную картину мира, а также особой эстетики, образности поэтического мира поэта.

Работа выполнена на 56 страницах с использованием 72 источников.

Annotation

This research work is devoted to the study of the vocabulary of the time continuum in the poems of the most famous Chinese poet of the Tang period – Li Bo.

In the first chapter we analyzed the modern scientific studies on the representation of the category of time in different cultures, comprehended this category in the Chinese language worldview.

The second part discusses the key notions and vocabulary used by Chinese poet and intellectual Li Bo of Li Bai for the description of time and temporary continuum. Following the Tang period poetic tradition Li Bo implemented two groups of notions. The first one is represented by the direct indication to the particular moment (“today”, “in the past”), the second one is represented by indirect description by some “signs” affiliated with concealed symbolic meaning, such as “the shadow of bamboo”, the “cocoo cry”, “the wind from the East”, “drinking dancing in the mountains”, etc. The continuum could be expressed by the binary oppositions like “past-present” (gu – jin), “late night – early morning” (xiao – xiao), “autumn – springtime” (qiu – chun), etc., and another important component of time expression in Chinese is the precedent phenomena.

In the poems of Li Bo, "time" is a symbol of the momentary life, the equal to the gaining of sudden wisdom. Understanding of the deep meaning of temporal lexical units, through which "time" is fixed in the poetic texts of Li Po, is impossible without perception of the precedent phenomena and Chinese symbols reflecting the national language worldview, and the special aesthetics of the Li Bo's poetic world.

The work is done on 56 pages using 72 sources.

Содержание

Введение.....	6
1 Языковые способы выражения категории времени	10
1.1 Научное обоснование терминов, обозначающих лексику временного континуума.....	10
1.2 Современные научные исследования о репрезентации категории времени в языках различных культур.....	12
1.3 Категория времени как основополагающая в китайской языковой картине мира.....	16
1.4 Культурные паттерны творчества Ли Бо	26
2 Лексика временного континуума в стихотворениях Ли Бо	29
2.1 Способы выражения темпоральности в поэтических текстах Ли Бо.....	29
2.2 Место темпоральных лексических единиц в образной системе Ли Бо.....	37
Заключение.....	50
Список использованных источников.....	52

Введение

Состояние развития научной мысли на ее современном этапе дает основание полагать, что категории времени и пространства в языкознании тесно взаимосвязаны и являются основным инструментом, позволяющим человеку воспринимать и описывать окружающий мир. В литературе они представляют собой важные составляющие авторской картины мира и используются автором как способ отражения непрерывного развития сюжета в тексте. С точки зрения философии время и пространство также имеют огромное значение: только в рамках этих двух понятий можно говорить о непрерывности (континууме) движения материи.

В последнее десятилетие научных исследований, в которых лексические единицы, обозначающие время, анализируются в лингвистическом, лингвокультурологическом аспектах достаточно много. Так, Н.Д. Арутюнова отмечает тесную связь языка и времени: «... Время воздействует на язык извне и изнутри... Время стимулирует развитие языка и вместе с тем налагает на него ограничения, которые язык вынужден преодолевать» [3, с.5-6]. А.А. Федотова говорит о трех основных аспектах представления времени в тексте: о времени как продолжительности; как о перспективе: прошлое, настоящее, будущее; и как о последовательности (событий); а также она выделяет категорию континуума, отображающегося в тексте в виде «нерасчлененного потока движения во времени и пространстве» и неразрывно связывающего эти понятия [63, с.305-306]. Исследование времени как языковой категории, способы его выражения с помощью лексических средств освещались также в работах В.П. Гак, Ю.Д. Апресяна, Е.Г. Крейдлина, В.А. Плунгяна, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, В.И. Тхорика, Н.Ю. Фанян, Е.С. Яковлевой и многих других. Однако к категории времени современные лингвисты обращаются реже, нежели к исследованию языковых способов пространства, недостаточно таких исследований проводится и в области китайского языка. Также, можно говорить о недостаточном анализе лингвокультурных кодов, в частности временного континуума, в текстах китайской литературы. Исследование базовых, концептуально значимых для китайской культуры паттернов, необходимо начинать с древних философских и литературных текстов, потому что именно в них отражается глубинный скрытый смысл культуры.

В связи с тем, что интерпретация смысла любых лексических единиц в китайском тексте осложнена этнокультурными лакунами, а искажение в понимании смысла лексических единиц приводит к нарушению коммуникации. Именно изучение смысла той или иной лексической единицы, особенно культурно маркированной, позволяет осмыслить культурные коды, являющиеся пропуском в среду иной культуры и средством установления эффективных межкультурных связей.

Таким образом, **актуальность** исследования обусловлена:

- междисциплинарным интересом к проблеме;

- описанием лексических единиц, обозначающих время с учётом лингвокультурного подхода;
- значимость исследования для современной межкультурной коммуникации;
- обращение к номинации культурно значимых единиц, важных для понимания языковой картины мира современного китайца.

Выбор в качестве **материала** исследования произведений Ли Бо не случаен, потому что в его произведениях, с одной стороны, отражены паттерны китайского народа, а с другой стороны, независимые взгляды поэта повлияли на семантические сдвиги в понимании одной из базовых категорий. Более того, несмотря на разностороннее исследование творчества Ли Бо, некоторые аспекты остаются малоизученными, в частности, способы языкового выражения культурно значимых категорий.

Объект исследования – лексическая система китайского языка.

Предмет исследования – лексические единицы, обозначающие время (темпоральные).

Цель исследования – реконструкция «временной картины мира» китайцев на основе темпоральных лексических единиц в произведениях Ли Бо.

Поставленная цель определила необходимость решения следующих теоретических и практических **задач**:

- проанализировать научную литературу, посвященную способам выражения категории времени в языке;
- изучить научную литературу, исследующую творчество Ли Бо в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах,
- проанализировать способы языковой экспликации темпоральных языковых единиц китайского языка,
- описать и систематизировать лексику временного континуума в произведениях Ли Бо.

При проведении данного исследования были использованы **методы**: наблюдение, описание, классификация, сплошной выборки, семантического и лингвокультурологического анализа, статистический, а также сопоставительный анализ.

Научная новизна работы заключается в том, что:

- 1) поставлена задача описания темпоральных лексических единиц в произведениях Ли Бо, как носителя китайских культурных паттернов;
- 2) выявлены особенности «временной языковой картины», характерной для носителя китайской культуры.

Теоретическую базу исследования составили работы Тань Аошуан, описавшую роль категории времени в китайской языковой картине мира, первого русского синолога И.Я. Бичурина, Ван Луся и Шаолань Сюэ, представивших свой взгляд на принципы тематической классификации китайской лексики, А.А. Маслова, описавшего исторические и культурные традиции, которые повлияли на понимание категории «время» в китайской языковой картине мира, С.А. Торопцева и А. Холиб и П. Симпсона-Хаусли, исследовавших творчество Ли Бо в литературоведческом аспекте.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что она вносит вклад в исследование темпоральных лексических единиц китайского языка, расширяет представление российского сообщества, в том числе научного, о китайской языковой картине мира. Выявлена специфика способов выражения категории времени в текстах Ли Бо. Работа значима для востоковедения, лингвокультурологии и страноведения.

Исследование имеет **практическую ценность**, которая заключается в том, что полученные знания могут быть использованы в качестве упорядоченного теоретического или иллюстративного материала при подготовке лекций в рамках освещения вопросов, касающихся Китая, для преподавания ряда дисциплин (китайский язык, семантика китайского текста, основы духовных и философских воззрений Китая, речевая коммуникация (в китайскоязычном дискурсе), лингвострановедение, лингвокультурология, межкультурные коммуникации и др.). Материалы исследования применимы для осуществления подготовки и проведения практических международных контактов в деловой, политической и культурной сферах.

Основные положения, выносимые на защиту:

1 Лексика временного континуума (или темпоральная лексика) в китайском языке – это совокупность разнообразных лексических единиц, символов, прецедентных феноменов, с помощью которых отображается изменчивость мира, процессуальный характер его существования, событийность.

2 Категория времени, являясь одной из базовых категорий китайской языковой картины мира, обладает рядом отличительных особенностей:

а) Линейная модель времени в китайском языке противоположна европейской: говорящий обращен лицом к прошлому, активно движется в сторону прошлого и пассивно ожидает встречи с будущим.

б) В противовес участию и вовлеченности в процесс течения времени для китайца более ценным является отстраненное ожидание нужного момента, умение его поймать, встроиться в ситуацию и соответствовать наступающим обстоятельствам; не пытаясь приблизить необходимое, в соответствии с принципами «недеяния» в основных философских воззрениях Китая.

в) Цикличность и антропоцентризм восприятия времени в китайском языке и культуре объясняется отсчетом времени по периодам правящих династий, соотношением времени с известными историческими личностями, стремлением потомков постоянно повторять/воспроизводить великие деяния предков и представлением о течении времени как о постоянной смене поколениями потомков поколений предков (волна за волной).

3 Так как время и пространство тесно взаимосвязаны, временные лексические единицы в китайском языке часто выражены лексическими единицами, которые могут обозначать пространство.

4 Многие произведения Ли Бо написаны без прямого указания на последовательность событий, одновременность или течение жизни с помощью лексических единиц, которые ученые таковыми считают. В стихотворениях Ли Бо, в основном, фиксируется сиюминутный момент, мысль автора здесь и сейчас (неважно: о прошлом, настоящем или будущем).

Апробация. Основные положения данной работы изложены в четырех статьях, одна из которых в журнале из перечня ВАК. Результаты проведенного исследования обсуждались при прохождении научно-исследовательской практики и докладывались на XL студенческой научной конференции (Оренбург, 5 апреля 2018г.). Доклад был отмечен как лучший на секции «Теоретические проблемы языка».

Структура ВКР состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы. Общий объем ВКР составляет 56 листов печатного текста.

1 Языковые способы выражения категории времени

1.1 Научное обоснование терминов, обозначающих лексику временного континуума

Приступая к анализу проблемы категоризации времени в системе китайской языковой картины мира, необходимо уточнить современные научные термины, которые используются для обозначения данной группы лексических единиц. В современных научных работах данную лексику называют как «лексика временного континуума», темпоральная лексика, «лексические средства репрезентации времени», «лексические единицы, эксплицирующие время» и т.д. Разнообразие в терминологическом аппарате свидетельствует о «неустойчивости», «неописанности» данного термина, хотя интерес к проблеме был в науке всегда.

Прежде всего, потому что восприятие категории времени изменялось на разных этапах ее развития. Так, классическая наука рассматривала время как абсолютный показатель, находящийся вне иных систем отсчета и не зависящий от них. На этом этапе научные взгляды в отношении времени базировались на принципах, сформулированных физикой Аристотеля. Он связал время с движением материи, как его меру исчисления, причем считал, что «...и время измеряется движением, и движение временем...» [29]. Движение самого времени объяснялось терминами «прежде», «теперь» и «после», которые определили в дальнейшем свойства его *линейности* и *однонаправленности*. Кроме того, он приравнивает время к движению небесной сферы, т.к. этим движением измеряется движение всего прочего и самого времени. Исходя из того, что время измеряется круговращением, он вводит понятие круга времени, которое можно соотнести со свойством его *цикличности* [29]. Таким образом, на классическом этапе время представлялось наукой как абстрактная субстанция, подлежащая отдельному рассмотрению.

Переход к неклассической теории науки характеризуется сменой научной парадигмы, связанной с выдвинутыми А. Эйнштейном гипотезами об относительности пространственно-временных преобразований. Субстанционализм в науке сменился методологическим принципом релятивизма. Развитие этих представлений связано с работами Г. Минковского, который ввел в научную картину мира целостный образ пространственно-временного *континуума*. О понятии континуум «Большой энциклопедический словарь» [11, с.566] пишет, что это слово происходит от латинского «*continuum*» – непрерывное, и говорит о нем как о математическом термине (который используется, например, для обозначения непрерывной совокупности всех точек прямой). На самом деле, до конца 19 века понятие континуума было принято связывать с точными, естественными науками и философией. Однако в 20 веке идеи четырехмерного континуума находят широкое распространение в обществе и отражаются в произведениях культуры и искусства, а расширение междисциплинарных связей и

общая тенденция к взаимопроникновению наук [60] способствуют началу применения этого термина и в гуманитарных научных направлениях.

Связь времени и пространства в гуманитарном знании фиксирует «Словарь русского языка» Ожегова С.И. определяя время, как «одну из форм (наряду с пространством) существования бесконечно развивающейся материи – последовательную смену ее явлений и состояний. Вне времени и пространства нет движения материи» [53, с.107]. Таким образом, дается указание на то, что только в рамках этих двух понятий можно говорить о непрерывности (континууме) движения материи. И на самом деле, многие авторы исследуют категории пространства и времени неразрывно, опираясь на теорию пространственно-временного континуума. Часть публикаций, к которым обращается данное исследование, не будет в этом смысле являться исключением. Однако, в современном научном мире возникают мнения и о том, что только реляционная трактовка времени и пространства ограничивает анализ исследуемых посредством этих категорий объектов. Э.В. Баркова обосновывает необходимость совмещения субстанционального и реляционного методов изучения [5]. Некоторые авторы, не опровергая целостности пространственно-временного континуума, в целях интересов научного исследования проводят условное разделение пространства и времени [64].

Лингвистические словари по-разному толкуют термины, связанные с лексическими единицами, которые указывают на время. Так, в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой дано определение термину «временной», который здесь имеет единое значение с термином «темпоральный»: «...Связанный с обозначением реального времени. ...Связанный с выражением категории времени» [4]. В «Полном словаре лингвистических терминов» Т.В. Матвеевой «*темпоральностью*» называется «текстовое время», которое определяется как «категория текста, с помощью которой содержание текста соотносится с осью времени: исторической перспективой действительности или ее субъективным преломлением... Вне данных отношений создать текст невозможно». *Выражается темпоральность с помощью «лексических единиц*, обозначающих моменты и отрезки времени, направление (вектор) времени, а также темпоральные отношения» (время в его различных проявлениях). В этом же словаре отмечается, что «темпоральный» (от латинского *tempus* – время) означает то же, что и «временной» и «выражает значение характеристики предмета, явления, события относительно его положения на шкале времени» [52]. Следовательно, лексические единицы, которые выражают категорию темпоральности, можно назвать темпоральными лексическими единицами, а в связи с тем, что *темпоральный и временной – термины с одинаковым значением*, темпоральные лексические единицы являются временными лексическими единицами.

Т.В. Матвеева указывает, что для реализации темпоральности важна категория последовательности, а повествование базируется на «восприятии и представлении действительности в ее последовательно-временных связях» [52]. И.Р. Гальперин считает, что последовательностью фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве является континуум как категория текста

[23]. Другими словами, для реализации темпоральности (или текстового времени) важен континуум выстраивания временных связей в повествовании.

Темпоральность выражается лексическими единицами. Следовательно, когда мы говорим о лексических способах обозначения времени, имеем ввиду лексические единицы, обозначающие время в его различных проявлениях, имеющие важное значение для выстраивания непрерывных временных связей в текстах.

С учетом вышеперечисленного мы в нашем исследовании *«темпоральностью»* будем считать то, что обусловлено категорией времени, имеет временную характеристику, а термины *«временные лексические единицы»* и *«темпоральные лексические единицы»* будем использовать как синонимы. Кроме того, синонимично этим двум терминам в современной научной литературе применяются и такие термины как *«лексические средства репрезентации времени»*, *«лексические единицы, эксплицирующие время»* и др., которые тоже можно использовать как синонимы [1,5,6,38...].

1.2 Современные научные исследования о репрезентации категории времени в языках различных культур

Так как время является одним из базовых основополагающих понятий, определяющих человеческое мировосприятие, то отражению категории времени в языке посвящены многие научные исследования.

Н.Д. Арутюнова считает, что отношения языка и времени выражаются посредством речи, которая является действием, протекающим во времени. Два главных свойства времени – линейность и однонаправленность обуславливают те же основные характеристики речи, которые оказывают влияние на формирование системы языка. Таким образом автор представляет внешнее воздействие времени на язык. Вместе с тем язык – это средство описания окружающей действительности, которая существует во времени. И темпоральные отношения внутри языка выражаются с помощью набора его лексических и грамматических средств [3]. Таким образом, взаимодействие языка и времени характеризуется *внешним и внутренним воздействием времени на язык*.

При исследовании лексики, обозначающей время, следует учитывать влияние и общекультурных, и индивидуальных темпоральных представлений на ее отражение в языке, рассматривать представления о времени и анализировать языковые факты в связи с носителями языка.

С учетом данного аспекта представлено время в работе С.А. Чугуновой *«Концептуализация времени в разных культурах»* [65]. Основной идеей, высказанной автором, является необходимость исследования языковых фактов в неразрывной связи с носителями языка. В большей степени автором рассматривается индивидуальное восприятие времени, в тексте приводятся различные эгоцентрические модели, что подчеркивает психолингвистический характер исследования. Начало работы знакомит нас с понятием времени и представлением

о нем с точки зрения философии, естественных и гуманитарных наук. С.А. Чугунова говорит о том, что в каждой из наук время, как объект, вызывает некоторые вопросы и противоречия, и делает вывод, что к категории времени требуется междисциплинарный подход. По ходу работы отмечается взаимодействие языка и культуры в индивидуальном сознании. Она дает определение термину «темпоральность» – «...это та смысловая область, которая, с одной стороны, подвержена универсализации: практически каждое предложение в большинстве языков мира располагает грамматическими и/или лексическими средствами, указывающими на времянахождение описываемого события; пространственный и причинный аспекты ситуации такого обязательного языкового статуса не имеют» [65]. С другой стороны темпоральность в языке может базироваться на субъективном опыте восприятия окружающей среды, поэтому лексика, выражающая категорию времени, может не являться в прямом смысле темпоральной. В связи с этим автор сравнивает временную лексику разных языков (английского, французского, эстонского, бурятского и т.д.) и выявляет *языковую универсалию* в том, как *время выражено метафорами пространства и движения* (во всех приведенных в работе примерах время может быть коротким, оно может лететь, идти...). Затем она обращается к восприятию времени нашим Эго, приводит различные модели восприятия времени. В «модели движущегося времени» Эго находится в настоящем, а время движется навстречу ему из будущего в прошлое. В «модели движущегося Эго» время становится неподвижным вектором, по которому движется человек. «Модель временной последовательности» человека не включает, он является наблюдателем смены одного события другим. Все модели говорят о линейности времени и о его движении. В работе исследуется восприятие индивидуумом текста. Текст воспринимается в хронологической последовательности, если события в тексте ахронологичны, происходит затруднение его понимания. Как и многими, отмечается связь времени и пространства. Но несмотря на то, что с точки зрения современной науки время концептуализируется через пространство, она считает первичным представление о времени как о движении.

Представление о времени как о движении она считает *общекультурным*, а *направление движения времени в разных культурах* может быть *различно*. На эту тему приводятся модели «вертикального времени», «циклического» и «зеркального». Но в любом случае все модели, по ее мнению, эгоцентричны.

В работе отражены результаты экспериментального исследования русскоязычных испытуемых. Выявлена доминирующая модель восприятия ими времени – модель движущегося эго. Выявлен субъективный характер восприятия времени: теоретические языковые темпоральные модели оказываются не идентичными индивидуальным. Таким образом, отражение времени в языке базируется на *универсальных межнациональных, внутрикультурных и индивидуальных субъективных моделях восприятия*.

Об этом же говорит британский автор Сара Даффи в статье «То, как наш разум строит прошлое, настоящее и будущее, зависит от наших отношений со временем» [70]. Она приводит в пример два выражения: «наступил Новый год» и «мы пришли к Новому году (дожили до Нового года)». Оба они представляют

один и тот же результат, но с разных позиций с точки зрения категории времени. Так же, как и С.А. Чугунова она пишет, что в языке время может существовать и как отдельная субстанция, которая на примере фразы «праздники приходят» приближается к нам из будущего (модель движущегося времени), и как ось движения субъекта, например, во фразе «мы достигли момента истины» (модель движущегося эго).

В статье автор пытается определить факторы, влияющие на построение языковой модели, в частности, согласно опросу (англоязычных) респондентов, предстоящие неприятные события (например, экзамен) люди представляют как надвигающиеся на них, а положительные, радостные события они описывали как те, к которым они двигаются сами.

В целом Сара Даффи отмечает, что на построение временных конструкций в языке имеют влияние и личные установки, и культурные ценности носителя языка. Для иллюстрации отражения национальных особенностей восприятия времени в языке она приводит в пример племена Папуа Новой Гвинеи, чья картина мира представляет прошлое в виде спуска вниз к устью реки, а будущее – поднимающимся в горы к ее истоку. Радикально отличающимися автор считает взгляды на категорию времени, существующие у носителей марроканского диалекта современного арабского языка, в котором и прошлое, и будущее представлено как нечто, находящееся впереди нас. А в одном из исследований этих людей оказалось, что они склонны, все-таки, представлять будущее находящимся у себя за спиной, а прошлое – тем, что находится перед ними. Автор объясняет выявленное ей различие тем, что по сравнению со многими европейцами и американцами марокканцы, как правило, более сосредоточены на прошлом. Они придают большее значение традициям, а также более внимательны к старшим поколениям. Они сфокусированы на прошлом, и поэтому прошлые события – это объекты, которые им необходимо иметь перед глазами [70].

Существуют мнения, что такая особенность восприятия времени характерна для многих культур Востока. Ниже мы рассмотрим особенности китайского мировосприятия и увидим схожие черты с описанными Сарой Даффи марокканскими.

Обратимся к другому аспекту культуры. Частью культуры любого народа являются художественные тексты носителей ее языка. Многие работы, посвященные исследованию выражения категории времени в художественном тексте, рассматривают эту категорию в неразрывной связи с пространством. Текст в данных работах представляется как репрезентация результатов познания окружающего мира автором, а время и пространство являются и объектами и средствами его когнитивной деятельности.

Так, А.А. Федотовой проведен анализ языковых особенностей отражения времени в тексте современного ирландского романа. Она приходит к выводу, что время является обязательным атрибутом пространства текста. Связь пространства и времени раскрывается посредством категории континуума, который выражен непрерывным потоком движения, представленного в тексте как транслируемая автором художественного произведения последовательность событий, разворачивающихся во времени и пространстве. Автор выделяет трех-

аспектность существования в тексте категории времени. Во-первых, время может рассматриваться с точки зрения его продолжительности («две минуты», «три года»). Во-вторых, оно может быть представлено как «темпоральная перспектива: прошлое, настоящее, будущее». В тексте это выражается соотношением «сейчас» с «прошлым» и «будущим». И наконец, время может рассматриваться как последовательность. По мнению автора, данный аспект наиболее явно показывает свойство линейности образа этой категории в тексте [63].

Юан Дунбинь и Е.В. Хабибуллина считают время и пространство текстообразующими категориями любого художественного произведения. Как и предыдущий автор, они говорят о линейности исследуемых текстов с точки зрения того, как их действие разворачивается во времени. Причем о времени происходящего читателю может сообщаться как прямо (временными лексическими единицами), так и контекстуально (например, о том, что события происходят летом, можно понять по жаркой погоде, школьным каникулам и т.п.). Категория времени в тексте может быть представлена указаниями на: временные отрезки, даты, суточный цикл, возраст. Авторы используют термин «темпоральная гипербола», т.е. преувеличение (примером может служить выражение «Сто лет не виделись!»). Время опирается на комплекс лексических и грамматических языковых средств. Темпоральная лексика может передавать динамизм повествования, создавать языковую игру, выступать в противопоставлениях, нести прямой и переносный смысл, вносить элемент внезапности или, наоборот, растягивать время текста [67].

Другой тип текстов анализирует Л.В. Чалабаева. Для иллюстрации присутствующих в них отношений времени и пространства она приводит выдержки из статей современных российских СМИ и говорит о возможности группировки присутствующей в этих текстах категории времени на основе элементов бытия:

- движение – время (круговращение),
- пространство – время (выражение значения времени единицами пространства),
- занятие – время (за обедом),
- человек – время (при царе),
- время – становление, исчезновение (время лечит),
- время – действие (найти время на...),
- время – обладание,
- время – пора, удобный момент,
- время – отрезок времени (эпоха, погода, возраст...),
- время – предмет,
- время – человек (современник...),
- время – логические отношения (условия, причины...),
- время – оценка, экспрессивность.

Развитие любого языка отражается в языковых единицах, обозначающих время, более того, эти единицы языка отражают самобытность восприятия категорий, в частности времени. Категория «время» может быть представлена в разных языках различными способами. Способ отражения времени в лексиче-

ских единицах языка играет важную роль в формировании национальной языковой картины мира [64].

1.3 Категория времени как основополагающая в китайской языковой картине мира

В ходе обзора современных научных исследований по данной теме были рассмотрены работы, которые обращаются к проблеме отражения категории времени в китайской языковой картине мира. В частности, изучены труды одного из первых русских синологов И.Я. Бичурина, который еще в 1848 году детально описал особенности китайского времяисчисления и, в частности, летоисчисления. Им были рассмотрены и приведены названия элементов системы двенадцати *диджи* 地支 «земных ветвей», системы разделения календарного года на 24 «перемены атмосферы» [8, с.35-45, 244-249], упомянуты т.н. «десять пней небесных» [8, с.338] (в современной науке чаще используется термин «небесные стволы») (*тяньгань* 天干)). Названия элементов системы «земных ветвей» китайского традиционного времяисчисления представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Элементы системы «земных ветвей» 地支

№ п/п	Название часов <i>ши</i> 时	Соответствующий промежуток времени суток, включающий два малых часа (ч)	Соответствие знаку животного
1	<i>дзы</i> 子	23 – 1	мышь
2	<i>чхоу</i> 丑	1 – 3	вол
3	<i>йинь</i> 寅	3 – 5	тигр
4	<i>мао</i> 卯	5 – 7	заяц
5	<i>чхень</i> 辰	7 – 9	дракон
6	<i>сы</i> 巳	9 – 11	змея
7	<i>у</i> 午	11 – 13	конь
8	<i>вэй</i> 未	13 – 15	овца
9	<i>шэнь</i> 申	15 – 17	обезьяна
10	<i>йоу</i> 酉	17 – 19	петух
11	<i>сю</i> 戌	19 – 21	пес
12	<i>хай</i> 亥	21 – 23	свинья

Система земных ветвей включает в себя знаки двенадцатеричного цикла китайского исчисления времени. Каждый знак из этой системы представляет собой один час *ши* 时. Каждый *ши* 时 делится на 2 малых часа *сiaoши* 小时:

- первый – *чху* 初 означает «начало»,
- второй – *джэн* 正 значит «ровно».

Первый час суток *дзы ши* 子时 – это период с 23 до 1 ночи.

Со слов автора «время по часам считается включительно, например, вместо в половине третьего — китаец говорит: два часа и две четверти» [8, с.36].

И.Я. Бичурин приводит к каждому из двенадцати часов название соответствующего ему животного. То есть в названиях элементов двенадцатеричного цикла зашифрован скрытый символизм.

Вся китайская терминология представлена Бичуриным в виде фонетической транскрипции русскими буквами. В целях нашего исследования здесь и далее мы всем терминам с помощью словарей выводим иероглифическое соответствие и фонетическую запись.

Двадцать четыре части, на которые традиционно китайцы разделяют год, исследователь называет «переменами атмосферы» (в настоящее время они чаще фиксируются в словарях как периоды/сезоны сельскохозяйственного года – *дзюэцзи* 节气), и первый период в году – начало весны. Продолжительность каждого из периодов составляет около пятнадцати суток. Указанные «перемены» находятся в зависимости от солнечного цикла, и точного соответствия с привычным для нас григорианским календарем не имеют. Достаточной и полной информации об этой системе в современной научной литературе нам выявить не удалось.

И в связи с тем, что подробная схема для *тяньгань* 天干 «небесных стволов» в работе И.Я. Бичурина не выведена, мы обратились к работе Ван Луся и С.П. Старостиной, для того, чтобы определить названия элементов этой схемы, которые являются лексикой, несущей значение «время». Значение этих названий мы взяли в китайско-русских словарях. Итак, в состав циклических знаков *тяньгань* 天干 входят:

1 *дзи* 甲 (первый; панцирь, твердая оболочка, доспехи; ассоциируется с первостихией дерево и направлением восток);

2 *и* 乙 (второй; ласточка; ассоциируется с первостихией дерево и направлением восток);

3 *бин* 丙 (третий; огонь, хвост рыбы; ассоциируется с первостихией огонь и направлением юг, с летом);

4 *дин* 丁 dīng (четвертый; взрослый работник, ...кусочек, ...гвоздь; ассоциируется с первостихией огонь и направлением юг, с летом);

5 *у* 戊 (пятый; счастливый день; ассоциируется с первостихией земля и направлением центр);

6 *дзи* 己 (шестой; сам, себя, ...управлять; ассоциируется с первостихией земля и направлением центр);

7 *гэн* 庚 (седьмой; возраст, дорога...; ассоциируется с первостихией металл и направлением запад, с осенью);

8 *синь* 辛 (восьмой; терпкий, острый, тяжелый; ассоциируется с первостихией металл и направлением запад, с осенью);

9 *жэнь* 壬 (девятый; вкрадчивый, великий, носить...; ассоциируется с первостихией вода и направлением север, с зимой);

10 *гуй* 癸 (десятый; Гуй (фамилия)...; ассоциируется с первостихией вода и направлением север, с зимой).

Как мы видим, элементы «небесных ствол» многозначны и некоторые из их значений несут характер системности. Во-первых, все они содержат значение порядкового номера при перечислении. Во-вторых, сопутствующий им ассоциативный ряд упорядочен по соответствию пяти первоэлементам древней китайской натурфилософии и пяти направлениям (четыре стороны света и центр). Упорядоченность по направлениям является одним из проявлений связи времени с категорией пространства в китайском языке. В связи знаков с пятью первоэлементами заключены представления о времени, как о циклической модели, ведь с архаичных времен они соотносились с пятью этапами развития (движения вещей): рождением, ростом, расцветом, старением, угасанием. То, что каждому первоэлементу соответствуют два знака системы, является отражением дуалистического восприятия мира в форме постоянной смены двух противоположных начал «инь» и «ян» (阴阳).

Вообще, китайские концепции времени базируются на архаичных представлениях: время и пространство возникли из хаоса и сосуществуют вместе, сцепленные вещами мира. Процессы протекания времени объясняются законами Дао, заключающимися в последовательной смене противоположностей, и порядком циклической смены пяти стихий. Таким образом, время связывалось с последовательными и циклическими изменениями. Изменения (в пространстве) являются показателями течения времени. Как мы видим, в китайской философии изначально время как отдельная субстанция не рассматривалось, т.е. китайская картина мира всегда представляла собой реляционную модель. Подтверждение этому находят многие исследователи.

Так, в известной монографии Тань Аошуан рассмотрена временная лексика в системе китайской языковой картины мира [61]. Уже в начале исследования выявлена связь категорий времени и пространства в китайском языке на самом глубоком уровне. Современные китайские иероглифы, отражающие указанные понятия, Тань Аошуан называет бинамиами и проводит сравнение этих иероглифов: *ши дзиэнь* 时间 время и *кхун дзиэнь* 空间 пространство. Она обращает внимание на содержащийся в них общий элемент – иероглиф *дзиэнь* 间 «помещение/промежуток», в данных случаях он имеет значение промежутка единиц времени или пространства.

Отражением наивной картины мира китайца автор считает интерпретацию слова миг – *шунь* 瞬. Присутствующая в левой части иероглифа графема «глаз» подразумевает моргание глаза. (В русском языке миг тоже соотносится с миганием глаза). Это слово также может употребляться совместно с уже рас-

смотренным иероглифом *дзиэнь* 间 «помещение/промежуток»: *шунь дзиэнь* 瞬间 – один миг.

Таким образом, Тань Аошуан делает вывод о естественной связи между понятиями «время» и «пространство» в китайском языке и говорит, что в наивной картине мира китайцев они неотделимы.

Автор анализирует смысловое наполнение слова «время» в китайском языке, для этого она подробно рассматривает первую часть иероглифа *ши дзиэнь* 时间 время – морфему *ши* 时, которая состоит из двух графем: *жы* 日 «солнце» и *цхунь* 寸 «вершок».

Наличие в иероглифе «время» графемы *жы* 日 «солнце» автор связывает с идеей солнечных часов, с помощью которых для китайца время определяется по соотношению света и тени. На этой же идее основано другое, литературное обозначение времени – *гуаньинь* 光阴, дословно – свет и тень. Еще одно значение графемы *жы* 日 – день, что вполне логично, день в культурах многих этносов связан с солнцем.

Графема *цхунь* 寸 «вершок», также означает китайскую меру длины «цунь», равную 3,33 см или десятую часть единицы длины *чы* 尺, которая равна примерно трети метра. Еще одно значение графемы – ничтожное количество; кусочек, чуточка; крошечный, ничтожный.

Сочетание двух графем в морфеме «время» можно интерпретировать как «цунь солнца» или «кусочек дня».

Отражением научной картины мира она считает обозначение времени словом *шикхэ* 时刻, где *кхэ* 刻 – зарубка, отражает представление о времени как о метках на солнечных или водяных часах.

Следовательно, по мнению автора, к лексическим единицам, выражающим собственно слово время, относятся: *шидзиэнь* 时间 «время как промежуток, период», *шикхэ* 时刻 «время – короткое время, минутка», *шунь* 瞬 «время – миг», *гуаньинь* 光阴 «время – течение времени, смена света и тьмы».

Также как и И.Я. Бичурин монография обращается к теме традиционного времяисчисления – к уже рассмотренным нами системам *тяньгань* 天干 «небесных стволов» и *диджи* 地支 «земных ветвей». Элементами этих систем в сочетании или по отдельности обозначаются дни, часы, годы. При этом традиционное времяисчисление в современном Китае сосуществует с привычным нам и всему миру григорианским календарем. Автор приводит пример традиционного способа отображения времени в языке – название Синьхайской революции 1911 года. Этот год был годом металлической (соответствующей элементу *синь* 辛 из «небесных стволов») свиньи (*хай* 亥 из двенадцатеричной системы), вместе – *синьхай* 辛亥.

Далее автор отмечает, что в языковой картине мира китайцев время измеряется не только по длине, и приводит в пример пословицу:

一寸 光阴一寸金, 寸金难买寸光阴 (*и цхунь гуаньинь и цхунь дзинь, цхунь дзинь нань май цхунь гуаньинь*) «Один цунь света и тени (времени) равен одно-

му цуню золота, но на цунь золота трудно купить цунь света и тени». Это выражение сравнивает время с золотом [61, с.31-42].

Затрагивая вопрос чисел в китайском языке, необходимо сказать, что вообще все числа могут являться количественным выражением времени, но два числа – четыре и восемь могут быть соотнесены в картине мира китайца с категорией времени, потому что участвуют в обозначении четырех времен года и восьми праздников солнечного календаря – *сы ши ба дзие* 四时八节 [61, с.80].

Тань Аошуан описывает базовые лексические единицы, отображающие время, и представляет их в виде антонимических пар, которые участвуют в образовании временных конструкций:

- *тсиень* 前 «спереди» (и синоним *сиень* 先 «первый по порядку, сначала, раньше») – *хоу* 后 «сзади»;

- *шан* 上 «верх» – *сиа* 下 «низ»;

- *лай* 来 «приходить» – *тсю* 去 «уходить».

Пара *тсиень* 前 «спереди» – *хоу* 后 «сзади» образует следующие словосочетания:

- *тсиеньжэнь* 前人 – предки (предшествующие поколения),

- *хоужэнь* 后人 – потомки (последующие поколения).

Таким образом, *предки находятся впереди, а потомки позади*. И эта же пара образует предлоги:

- *итсиень* 以前 – до того,

- *и хоу* 以后 – после того.

За этой парой иероглифов закреплены понятия, связанные с человеческим родом и делами человека: прошлая/будущая жизнь, предшественник/сменщик на службе, обозначения династий и т.д. Кроме того, пара используется для обозначения старшего и младшего поколения:

- *тсиеньбэй* 前辈 – старшее поколение (те, что впереди),

- *хоубэй* 后辈 – младшее поколение (те, которые позади).

Эта пара закрепила в языке представления о «непрерывном континууме... заполненном сменяющимися друг друга поколениями людей».

В следующем примере *сиень* 先 в значении «раньше» выступает в паре с *хоу* 后 в смысле «позже»: *先小人后君子 сиень сиао жэнь, хоу дзюньдзы* – «(лучше) сначала (поступать, как) ничтожный человек, (чтобы) потом (выглядеть) благородным мужем». Эта идиома означает «тщательно договориться обо всем заранее, чтобы не было разговоров потом».

Пара *шан* 上 «верх» – *сиа* 下 «низ» дает сочетания:

- *шангэюэ* 上个月 – прошлый месяц,

- *сиагэюэ* 下个月 – следующий месяц.

То есть прошлое в китайской языковой картине мира находится наверху, а будущее уходит вниз.

Эта же пара сочетается со словами, означающими неделю:

- *шансинтси* 上星期 или *шанджоу* 上周 – прошлая неделя,

- *сиасинтси* 下星期 или *сиаджоу* 下周 – следующая неделя.

Само слово неделя *синтси* 星期 или *джоу* 周 отражает *цикличность представлений о времени*: *синтси* 星期 – дословно «звездный цикл», а *джоу* 周 – «замкнутый круг».

Пара *лай* 来 приходить – *тсю* 去 уходить образует словосочетания, содержащие представления о *линейном* движении времени:

- *лай ниень* 来年 – будущий (приходящий) год,

- *тсю ниень* 去年 – прошлый (уходящий) год.

Линейности отражения времени в языке Тань Аошуан противопоставляет антропоцентризм: она говорит о сосуществовании в китайской картине мира двух языковых моделей времени: линейно-исторической и традиционной антропоцентрической, при этом последнюю она считает преобладающей в лексике.

Антропоцентризм китайского времени выражается, прежде всего, в термине *тхеньсиа* 天下 «Поднебесная». Это эгоцентричное представление о существовании в замкнутом пространстве во времени, которое отсчитывается по смене поколений и смене династий в Поднебесной, оно отражает культ предков и императоров древних династий, которые, достойны подражания.

Отсчет времени по смене поколений и их преемственности ставит в центр модели времени человека, направление движения времени здесь отличается от привычных европейцу представлений и направлено в сторону прошлого. Причем, так как время как абстрактная категория в китайском мировоззрении не существовала, то его движение выражается в движении человечества, и оно воспринимается «не как бег вперед, а как безвозвратный уход куда-то» [61, с.31-42].

Время тесно связано в китайской картине мира с переменами, которые выражаются в движении (материи/вещей). В связи с этим автор рассматривает присущие китайскому языку модели действия.

Во-первых, китайский язык стремится к точной фиксации происходящих изменений, они представляются как факт перехода из одного состояния в другое, такой переход для носителя языка не включает в себя подготовительный к новому состоянию процесс. Например, глаголы *сы* 死 «умереть», *дао* 倒 «упасть» (о вещи или о человеке, утратившем контроль над собой) подразумевают действие которое в китайском языке мыслится исключительно как точечный переход в другое состояние. В то же время русский язык и европейские языки дают возможность воспринимать эти глаголы как процесс (например, «умирать», «падать» в русском языке; использование *ing*-овых окончаний в английском языке). Для того, чтобы показать другие состояния события во времени, необходимо использовать дополнительные конструкции, такие, как *кхуай* 块... *лэ* 了 «еще не произошло, но скоро случится», например, *кхуайдаолэ* 块倒了 «вот-вот упадет». Показать процесс в китайском языке можно путем повторения события.

Второй особенностью восприятия лексики действия в китайском языке автор считает т.н. «стремление к более четкому, соответствующему реальному

положению дел, отражению ситуации». Для примера приводятся русские глаголы искать – находить, писать – написать, смотреть – видеть. Для носителя русского языка эти пары глаголов описывают две разные ситуации: действие как процесс и действие как результат. А с точки зрения китайца все эти действия (процессы) направлены на достижение цели или результата и, по сути дела, описывают единую ситуацию, которую он может представить в виде отрезка на оси времени. Следовательно, все эти действия для носителя китайского языка относятся к единому классу [61, с.44-46].

В нашей работе сделана попытка описания культурных и метафорических смыслов лексических единиц китайского языка, обозначающих время в поэтических текстах Ли Бо. Анализ лексических единиц, обозначающих время, на материале поэтических текстов, на наш взгляд, не только позволит осознать культурологические особенности лексических единиц китайского языка, обозначающих время, но и ощутить их образую, метафорическую ценность. Для доказательства нашего предположения необходимо понять, какие лексические единицы, обозначающие в китайском языковом сознании время как категорию бытия, фиксируют словари графем.

Так в китайско-русском словаре иероглифов Ван Луся и С.П. Старостиной графемами, которые относят к теме «время», названы: 辰 (*чэнь*) время; 乙 (*и*) второй циклический знак десятиричного цикла «небесные стволы»; 飞 (*фэй*) летать, летающий; 书 (*шу*) книга, книжный; 电 (*дянь*) молния; 夕 (*си*) вечер; 多 (*дуо*) много, namного, больше; 名 (*мин*) имя, название, наименование [14, с.41-48]. В статье «Особенности лексических единиц, обозначающих пространство и время в китайском языке» мы, основываясь на материале словаря иероглифов Ван Луся и С.П. Старостиной, описали группу графем, в которых заключены значения одновременно и пространства, и времени [57]. В эту группу вошли: 上 *шан* – верх, 下 *ся* – низ, 大 *да* – большой, 长 *чхан* – длинный, долгий, продолжительный. Графемы 上 *шан* – верх и 下 *ся* – низ вне контекста имеют чисто пространственное содержание. Однако в составе сложных иероглифов могут передавать значение времени (начала или конца событий): 下课 *сякхэ* – конец занятий. Графема 大 *да* – большой, в определенном контексте может выражать старшинство по возрасту. 长 *чхан* может иметь значение «длинный» и по расстоянию и по времени: 长春 *чханчхунь* – название города Чанчунь дословно можно перевести «вечная/долгая весна». Еще одна графема 常 *чхан* при самостоятельном использовании переводится как «постоянно, регулярно; обычный, повседневный», что также имеет временное значение.

В работе Шаолян Сьюэ тематическая группа, связанная с осознанием временного континуума, называется «Числа, время, даты», и как основные единицы автором описываются числительные (от 1 до 100), тысяча, доллар; графемы 点 (*дянь*) точка, час; 年 (*нянь*) год, 月 (*юэ*) луна, месяц; 日 (*жи*) солнце, день; 生 (*шэн*) рождение [66].

Важно отметить, что выделение графем и иероглифов в группу, относящуюся к категории «время», у разных авторов не однозначно, и мы считаем,

что это связано с китайским мироощущением времени.

Возвращаясь к работе Тань Аошуан, подытожим идею того, что в китайской языковой картине мира изменение времени в силу его антропоцентричности представлено движением поколений человечества в сторону прошлого. Этот процесс она сравнивает с набегающими волнами: поколения людей, обращенных лицом к прошлому, движутся вслед за своими родителями и прадедами снизу вверх (к небу) и постепенно уходят в историю, а их место занимают потомки [61, с.41].

А.А. Маслов в работе «Колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала» рассматривает восприятие китайцами времени через призму их отношения к своей истории, которая для них более первична нежели религия. К великим историческим персоналиям китайцы относятся как к своим далеким родственникам. Исторические факты из жизни известных предков являются руководством к тому, как нужно жить, и как правильно поступать. Некоторые описания последовательности действий в разных ситуациях людей древности под влиянием трепетного отношения последующих поколений к истории постепенно превратились в ритуал и дошли до наших дней в виде обрядов и церемоний. Таким образом, история сакрализуется и становится в китайском сознании чем-то мистическим. Абсолютность деяний великих предков культивирует постоянное повторение их поступков, поэтому китайская история является одновременно и линейной последовательностью событий, и цикличным повторением сформировавшихся традиций [45].

А.Е. Сериков также пишет о сочетании линейности и цикличности в восприятии времени китайской культурой. В качестве отличающей черты он, как и Тань Аошуан, выделяет обращенность говорящего к прошлому, а кроме того активность движения в прошлое и пассивность ожидания встречи с будущим. Ценным является умение поймать нужный момент и соответствовать наступающим обстоятельствам; не пытаюсь приблизить необходимую ситуацию, просто ждать [59]. В этой особенности мировосприятия, по нашему мнению, заключено глубокое влияние основных принципов даосской философии на китайский менталитет (принцип недеяния «у-вэй»).

Таким образом, восприятие времени в китайской языковой картине обладает рядом отличительных особенностей:

а) Линейная модель времени в китайском языке противоположна европейской: говорящий обращен лицом к прошлому, активно движется в сторону прошлого и пассивно ожидает встречи с будущим.

б) В противовес участию и вовлеченности в процесс течения времени для китайца более ценным является отстраненное ожидание нужного момента, умение его поймать, встроиться в ситуацию и соответствовать наступающим обстоятельствам; не пытаюсь приблизить необходимое, в соответствии с принципами «недеяния» основных философских воззрений Китая.

в) Цикличность и антропоцентризм восприятия времени в китайском языке и культуре объясняется отсчетом времени по периодам правящих династий, соотношением времени с известными историческими личностями, стремлением потомков постоянно повторять/воспроизводить великие деяния предков и пред-

ставлением о течении времени как о постоянной смене поколениями потомков поколений предков (волна за волной).

Рассмотрим еще один аспект китайской языковой картины мира, связанный с наличием в языке недосказанного, скрытых символов. Предварительно обратимся к статье И.И. Просвиркиной, в которой исследуются вопросы непонимания, неоднозначного или недостаточного понимания высказывания/текста [58]. Автор описывает сложности, которые могут возникать у реципиента при восприятии текста, и считает, что любой текст включает два уровня понимания содержащейся в нем информации. Первый уровень связан с фактическим знанием языка текста, интерпретацией слов, словосочетаний, предложений. Второй уровень – с пониманием культурного кода языка, т.н. «скрытого смысла». И эта культурная наполненность текстов может быть выражена в виде полунамеков или символов и представляет особую сложность для осмысления.

Наиболее яркой иллюстрацией этих положений может являться пример межкультурного общения, в частности, процесс восприятия китайского текста носителем русского языка. На самом деле, лексическое значение слов в современном мире зафиксировано во множестве лексикографических исследований (словарей, автоматических переводных систем) и доступно большинству пользователей, поэтому понимание прямого смысла слов, высказываний, текста (даже китайских) не вызывает таких затруднений, как интерпретация смыслов, глубоко уходящих корнями в культуру и традиции народа, представляющего язык.

Исходя из этого, время, как основная категориальная единица культуры, тоже может быть представлено в тексте как лексикой с прямым временным значением, так и лексикой, содержащей скрытый темпоральный смысл.

Вопросы «скрытого смысла» особенно актуальны в китайском языке, основными культурными характеристиками которого являются символизм и прецедентность. Этот фактор и носителям китайского языка затрудняет понимание некоторых текстов, например канонических или древних классических. Поэтому в Китае даже существует традиционная наука *сюньгусюэ* 训诂学 – комментирование классических китайских текстов, которая уходит корнями в древность, но при этом сохраняет жизнеспособность и в наши дни [68].

Символизм китайского языка и китайской культуры связан с основными философскими концепциями Китая, которые являются базой национального мировоззрения. Так, конфуцианство постулирует необходимость соблюдения человеком ритуала, а ритуал сам является действием, окруженным символами и несущим символический смысл. Основные культурные символы раскрывает исследование И.В. Захаровой и В.Ю. Захарова [28]. Ниже, анализируя произведения Ли Бо, мы опираемся на их работу для выявления зашифрованных символов времени в тексте. Авторы пишут, что сама культура общения в Китае основана на символах и полунамеках. Каждое слово, предмет, одежда, подарок содержат в себе определенный смысл, который может обрадовать, огорчить или обидеть собеседника. Поэтому без постижения языка символов невозможно выстроить эффективную коммуникацию с представителем китайской культуры. По мнению А.А. Маслова (в предисловии к указанной книге), изучение китай-

ского языка заключено не в том, чтобы научиться переводить явные значения, а в том, чтобы выстроить свою речь в соответствии принятыми культурными кодами. Кроме того, в Китае процесс изучения/познания окружающего мира происходит посредством восприятия его символов, полунамеков [28, с.5,7].

Еще одна языковая грань – его прецедентность. Разработкой теории прецедентности в китайскоязычном дискурсе занимается Н.Н. Воропаев. Материалом его исследований явились десятки словарей *диеньгу* 典故 «классического прецедента». Термин «прецедент» он определяет как обобщенную ассоциацию, а прецедентные феномены как основные компоненты знаний и представлений, которые являются общими для всех говорящих на одном языке. Появление в дискурсе прецедентного феномена активирует какой-то контекст, вызывает у человека определённые воспоминания, эмоции, ассоциации, связанную с ним информацию. Кроме того, что текст китайскоязычного дискурса пронизан прецедентными феноменами, автор говорит, что прецедент является фактором, структурирующим социум Китая, так как он создает основы поведения представителей этой культуры [20].

Выражением прецедентности в китайском языке могут являться так называемые *чхеньюй* 成语, это понятие включает в себя пословицы, идиомы, фразеологизмы и т.п. Примеры таких *чхеньюй* 成语, имеющих значение времени, мы взяли из книги «Жемчужины китайской фразеологии» О.А. Корнилова.

Первым приведем фразеологизм *шуэй дао тсю чхен* 水到渠成 «придет вода, канал наполнится», он имеет значение «всему свое время» [34, с.256].

И еще одна пословица, основанная на высказываниях китайского философа Мэн Цзы (372 – 289 гг. до н.э.): *я миао джу джан* 揠苗助长 «вытаскивать побеги из земли, помогая им расти» означает «бесполезные попытки ускорить (время) естественный ход событий» [34, с.190]. Это высказывание основано на истории из книги философа о крестьянине, который решил, что посаженный им рис растет недостаточно быстро, и для того, чтобы ему помочь, он каждый росток немного вытащил из земли, чтобы все всходы казались выше; конечно, после этого все посадки погибли.

Кроме общекультурных ценностей, зашифрованных в языке, литературное произведение может быть наполнено авторскими символами и прецедентными историями, связанными с его жизнью.

К этому аспекту творчества Ли Бо обращается статья Би Юэ «Проблемы переводческой интерпретации китайской поэзии золотого века (на материале стихотворения Ли Бо «Подношение Ван Луню»)», которая представляет собой комментарий к указанному стихотворению и вариантам его переводов на русский язык [7].

Би Юэ считает, что языковые различия между китайским и русским, изолированность китайской культуры делают для русского человека проблематичным постижение истинного смысла произведений Ли Бо.

Для того, чтобы раскрыть этот смысл автор знакомит нас с предысторией того, как было написано стихотворение. Эта предыстория является тем прецедентом, без которого суть поэтических строк становится не понятной, как и не

понятна роль, которую играет до сих пор произведение в китайском обществе. Она рассказывает, как Ли Бо познакомился, подружился с Ван Лунем и погостил у него, а стихотворение описывает церемонию проводов, которую устроил Ли Бо его новый друг. Эта церемония так растрогала поэта, что сподвигла его на написание стихотворных строк. Благодаря обстоятельствам, при которых стихотворение было создано, оно через века до наших дней сохранило свою смысловую основу, и в современном Китае оно является символом дружбы. По словам автора, в средневековом Китае поэзия, описывающая расставания, была обычно печальной, потому что расстояния затрудняли общение родственников и друзей, и прощались надолго, а возможно и навсегда. Однако грусть не свойственна поэзии Ли Бо, ему ближе были веселые светлые сюжеты, поэтому строки получились для него не характерными.

При анализе русских переводов, она отмечает их наполненность новыми, присущими русской культуре смыслами, усложнениями, усилением эмоционального фона, которые чужды китайскому тексту. И говорит, что поэзия Ли Бо под влиянием даосской философии отличается простотой (лексической, грамматической и стилистической). Автор отмечает необходимость сохранять образы, которые являются символическими в Китае. Например, Озеро Персиковых Цветов, которое уже для потомков поэта стало символом искренней дружбы. Китайцы приезжают на это озеро, для того чтобы прочувствовать связанную со стихотворением историю. Кроме того, образ самих цветов персика очень символичен. Его считают символом иного мира, счастливого и спокойного. Также цветы персика несут в себе смысл дружбы и весны. Следовательно, «Озеро Персиковых Цветов» в тексте стихотворения должно вызывать ассоциации дружбы, весны, радости и спокойствия. Одновременно в произведении присутствует название древнего вида традиционного народного веселого пения, когда все берутся за руки, топают, поют и танцуют. Данной языковой реалией в русском языке нет, поэтому полностью передать смысл при переводе короткого стихотворения очень сложно.

Как мы видим, даже короткое четверостишие несет в себе большое количество «скрытых смыслов».

Таким образом, полноценное адекватное восприятие поэзии Ли Бо возможно только на основе постижения культурной семантики его творчества и на общенациональном и на индивидуальном уровне. Для этого попробуем приоткрыть культурный образ личности писателя.

1.4 Культурные паттерны творчества Ли Бо

Творчество Ли Бо 李白 (701 – 762 гг.) является важной составляющей культуры Китая, при этом Ли Бо, пожалуй, один из самых известных в нашей стране китайских поэтов. Однако фактически широкому кругу наших соотечественников известно только его имя, поэтические тексты и биографические сведения о нем большинству не знакомы. Би Юэ объясняет сложившуюся си-

туацию различиями в мирах китайского и русского языков [7]. Видимо, поэтому чтение произведений Ли Бо даже в переводе оставляет человеку множество вопросов, не понятых скрытых смыслов. Как следствие сложившемуся автор констатирует факт крайне небольшого количества научных трудов о поэзии Ли Бо на русском языке.

Одними из самых известных таких трудов являются работы С.А. Торопцева. На основе исторических документов он попытался собрать максимально полное описание жизни и образа поэта. По словам автора, в найденных им документах содержатся не только сухие биографические факты, но и связанные с личностью поэта мифы и легенды. При этом можно отметить, что мистикой пронизано не только его творчество, но и имя. Поэта называли Бо (вариант произношения иероглифа *бай* 白 – белый). Дядя поэта написал, что в момент рождения на небе появилась Венера, поэтому прозвище поэта – китайское астрономическое название планеты Венеры – Тайбо (*тхайбай* 太白), что при отдельном рассмотрении иероглифов означает «великая белизна». В китайском восприятии белый цвет наполнен многомерным смыслом. Он является антагонистом черного цвета и воспринимается как нечто положительное, в дуалистической философии «инь-ян» он дополняет черный цвет и символизирует чистое светлое небесное, активное мужское начало. Белым цветом в поэзии Ли Бо окрашено то, что несет на себе печать духовности. Белый – признак увядания, старости (седины), а с другой стороны – мудрости и жизненного опыта. Таким образом, даже имя поэта связано с Небом, духовностью, высокими материями.

Прозвища, полученные им в дальнейшем за признание его таланта: «Небесный талант», «сосланный святой», «гений вина», «безумец» также отражают признание потомками отстраненности Ли Бо от земного, приближенности его к небожителям [62].

Жизни и мотивам творчества поэта Ли Бо посвящена статья Ани Холиб и Пола Симпсона-Хаусли «Священные даосские горы и поэт Ли Бо» («Sacred Taoist mountains and the poet Li Po») [69]. В работе обращается внимание на преобладающий гористый ландшафт Китая и, в связи с этим, особое отношение жителей к горам. Некоторые из гор считаются местами, где напрямую можно общаться с богом и получать послания высшего разума или получать особый трансцендентальный опыт. Такие взгляды могут перекликаться с европейскими религиозными, мифологическими представлениями: чем выше в небо, тем ближе к богу. В античной греческой мифологии, как мы помним, большинство богов обитало на вершине горы Олимп.

На протяжении жизни Ли Бо много времени проводил в горах, поэтому его поэтические произведения часто обращаются к описанию горных пейзажей, наполняя их мистическим смыслом. Иллюстрацией этому может являться его стихотворение 夜宿山寺 (*е су шань сы*) «Ночую в храме» [72]:

危楼高百尺, (*вэй лоу гао бай чы*) – Вершина высотой в сто чи,
手可摘星辰。(*шоу кхэ джай син чхень*) – Рукою можно звезды собирать.
不敢高声语, (*бу гань гао шэн юй*) – Не смею громким голосом говорить,

恐惊天上人。(кхун дзин тхень шан жэнь) – Боюсь испугать небесных жителей.

В работе описаны известные биографические факты жизни поэта: о том, что с раннего детства он путешествовал со своим отцом-торговцем, его мать, по некоторым сведениям, была турчанкой (и он, видимо знал турецкий, о чем свидетельствует долгое время службы переводчиком при Танском посольстве). Долгое время до наступления восемнадцати лет он обучался в буддистском храме, здесь он много читал, вообще, был высоко образован.

Авторы говорят о влиянии даосской философии на творчество Ли Бо. На самом деле, в его поэзии ощущается свобода, созерцательность, часто присутствуют сюжеты даосских алхимических текстов. Поэтическая картинка сиюминутна, «фотографична», в соответствии с воззрениями даосов многие произведения содержат идею «забытия», «самоотсутствия», утраты связи с пространственно-временным континуумом. Однако авторы не считают доказанным постоянство Ли Бо в приверженности даосизму и приводят в пример стихотворение, где он высмеивает Конфуция с его призывом на протяжении всей жизни следовать своему Дао. Данное исследование позволяет увидеть поэзию Ли Бо в новом преломлении, выявить неоднозначность духовных предпосылок к поэтическим творениям.

С.А. Торопцев обращается к истокам рыцарских мотивов в творчестве Ли Бо [12, с.101-102]. Он описывает факты небольшого отрезка ранней юности поэта, в котором он был вовлечен в среду т.н. «танских рыцарей» – таких же как он молодых людей, объединенных романтическими идеями защиты добра, чело-веколюбия и справедливости. Кроме благородных идей Ли Бо привлекала и эстетическая сторона рыцарства – прекрасные наряды, красивые поединки, веселые застолья и внимание со стороны окружающих. Известный современник поэта генерал Пэй Мэнь развернул его путь в сторону поэзии, сказав, что такой одаренный человек как Ли Бо не должен отказываться от поэтического творчества ради оружия. Но, по мнению Торопцева, Ли Бо сохранил рыцарские установки в жизни, а идеал странствующего рыцаря запечатлел в своих стихотворениях.

Большинство произведений созданы поэтом в жанре *юэфу* 樂府, который в Китае является традиционным для лирической поэзии и имеет схожесть с народными напевами. Это придает поэзии ощущение древности, связи со старинными народными корнями. Сами произведения, написанные много веков назад, выстраивают во времени мост в еще более глубокое прошлое. Даосская и буддистская философии незримо вплетаются в канву стихотворного текста, добавляют сакральные смыслы, запечатлевают вечные ценности. Таким образом время неизменно присутствует во всех произведениях поэта, даже как действующее лицо.

2 Лексика временного континуума в стихотворениях Ли Бо

2.1 Способы выражения темпоральности в поэтических текстах Ли Бо

Целью нашей работы стала реконструкция «временной картины мира» китайцев в произведениях Ли Бо, поэтому был проведен анализ текстов на китайском языке «Полный сборник стихотворений Ли Бо» 李白诗集大全 *ли бай ши дзи да тсюань* (интернет-ресурс [72]), который включает 22 стихотворения поэта. Из этого сборника нами отобраны двенадцать стихотворений, в которых, на наш взгляд наиболее полно отражены принципы включения категории временного континуума в поэтические тексты Ли Бо, к ним был выполнен построчный перевод. Кроме того в анализе использованы тексты еще трех стихотворений с переводом А.А. Маслова. Из текстов пятнадцати стихотворений нами были отобраны лексические единицы, эксплицирующие временные категории.

В результате анализа лексических единиц, обозначающих время, мы поняли, что работа с данной категорией лексических единиц требует глубоких фоновых знаний: лингвистических, философских, лингвострановедческих. Бережное отношение китайцев к артефактам истории, в том числе и в родном языке, обуславливает характер происхождения многих таких единиц.

Обзор научной литературы заставляет задуматься над анализом лексических единиц, эксплицирующих время, и учитывать, что отнесение в китайском языке некоторых групп графем и иероглифов к темпоральным, условно, и необходимо понимать интерпретацию некоторых лексем носителями языка на основе их ощущения времени через призму философских, а не лексических критериев. Итак, лексические единицы, эксплицирующие «время» как базовую категорию китайского языкового сознания, невозможно понять в отрыве от китайской культуры, истории, философии.

В китайском языке, особенности в поэтическом контексте, можно нередко встретить темпоральное указание по косвенным признакам – по событию, которое формально не указывает на время. А. Маслов приводит пример каллиграфических парных надписей в сочетании с картиной. На свитке изображен растущий бамбук и, едва начавшая расцветать, слива-мэйхуа. Слева и справа на отдельных парных свитках (*дуйлянь* 对联) идут каллиграфические надписи, раскрывающие суть изображённого: *Мэйсянжумэн, цзюэчунь лай* 梅香入梦觉春来 / *чжунхэнцзун, чжюэйшан* 竹影横知月上: «Ароматы сливы наполнили меня грезами – чувствую, пришла весна. Тень от бамбука легла наискосок – понял, что месяц взошел».

Как видим, явления, никак не связанные между собой, вдруг обретают временную связь, позволяя «постигать себя» друг через друга, как месяц и бамбук. И косвенными, но при этом очевидными временными указателями, выступают «ароматы сливы», которые указывают на весенний период, и «тень от бамбука», которая указывает на приход сумерек [45, с. 203-204].

В произведениях Ли Бо, на творчество которого оказали влияние как даосские, так и буддийские теории, в том числе и концепция «внезапного просветления», категория времени отражает базовые понятия китайского сознания, но особыми поэтическими средствами выражения [69]. В стихотворении 把酒问月 «С кубком в руке вопрошаю луну» («Бацзювэньюэ»), как и во многих других, присутствуют «следы» сюжетов даосских алхимических текстов. В общем, в произведении поэта лексические единицы передают чувство свободы и созерцательности, поэтическая картинка сиюминутна, «фотографична». В соответствии с даосскими традициями, многие произведения содержат идею «забытия», «самоотсутствия», утраты связи личности с пространственно-временным континуумом, что отражается и на лексической экспликации данных смыслов.

Так, например, в стихотворении 独坐敬亭山 «Одиноко сижу в горах Цзинтиншань» («Дуцзоцзинтиншань») [72] темпоральная лексика как таковая отсутствует, время в тексте передано через описание происходящих вокруг наблюдателя (автора) действий, которые происходят «здесь и сейчас». Роль наблюдателя обуславливает его отстраненность: время проплывает мимо него, он созерцает события со стороны, выжидает наступление подходящего момента, при котором «встраивает себя», свое сознание в текущую ситуацию, переживая ее неповторимость. Затем Ли Бо, как живописец, пишущий в быстрой технике *сеи* (写意) – «выписывание мыслью», – одним взмахом кисти фиксирует ускользающую картину, осознавая сиюминутность бытия.

В стихотворении 静夜思 «Думы тихой ночью» («Цзин е сы») [72] единицей, эксплицирующей время, является находящийся в названии иероглиф *е* 夜 «ночь, ночью, вечером; мрак, темнота; тёмный». В самом тексте лексику, прямо указывающую на время, автор уже не использует, рисуя образы, сообщающие нам о нем косвенно. Первая строка (床前明月光 «Край постели сверкает в свете луны») говорит о том, что действие происходит при свете луны, то есть в ночное время. Вторая строка (是地上霜 «Видимо, инеем он покрылся») передает ощущение холодного времени года. В строках (举头望明月 «Вскидывая голову, любуюсь яркой луной» и 低头思故乡 «Опуская голову, тоскую по родным краям») возникает стандартный для китайской поэзии символ «луны», указывающий на «тоску по родным местам». Данный символ обращает взор автора внутрь, и как следствие, возвращает его «назад» во времени. Тоска чиновника, который вынужден служить вдали от родных мест и близких ему людей, воплощается в особого рода «задумчивости» (*сы* 思).

Сравнивая способы выражения темпоральности в поэтическом тексте 把酒问月 «С кубком в руке вопрошаю луну» с двумя предыдущими, отметим наполненность данного стихотворения лексическими средствами выражения категории времени. Можно отметить восемь лексических единиц, обозначающих время (в скобках указано количество повторений в тексте):

- *ши* 时 (3) – время, час; постоянно, подходящий случай; эра, эпоха, век;
- *цзинь* 今 (4) – настоящее время, ныне, современный;

-сяо 宵(1) – ночь, ночной, (темнота; темный ...);

- сяо 晓 (1) – рассвет, утренняя заря; утро;... утренний;... на рассвете; пред-
рассветный;

- цю 秋 (1) – осень;

- чунь 春 (1) – весна;

- гу 古 (3) – древность, старина;

- цэнцзин 曾经 (1) – уже, уже некогда, уже в своё время, прежде, когда-то;
однажды...

В первой строке (青天有月来几时, 我今停杯一问之 «Когда появляется луна на небе голубом, я отставляю свой бокал, один вопрос задать») иероглиф *ши* 时 сочетается с вопросительной частицей *цзи* 几: *цзи ши* 几时 – «в какое время, когда»; а иероглиф *цзинь* 今 является показателем настоящего времени для всего предложения.

В четвертой строке (但见宵从海上来, 宁知晓向云间没 – «И увидишь ты, как в вечерний час из моря встаёт луна, а в свете утра узнаешь, что в облаках сокрылась она») вновь возникает символ луны, которая совершает «круг во времени», и противопоставлена дневному свету: она появляется именно в ночной тьме (*сяо* 宵), а при утреннем рассвете (*сяо* 晓) луна скрывается за облаками. Время представлено через динамику движения луны и встречу Света и тьмы.

В пятой строке («И заяц белый толчет там снадобье свое, пока осени сменяются веснами. И богиня Чан Э в одиночестве рядом с ним живет» (白兔捣药秋复春, 嫦娥孤栖与谁邻) автор упоминает мифологические образы. Красавица Чань Э, обреченная на вечную одинокую жизнь на луне в обществе Белого зайца, который занимается вечным приготовлением снадобья бессмертия. Сами эти персонажи – богиня Чан Э, Белый заяц – являются воплощением вечности и неизменности установленного миропорядка, вечная жизнь выступает символом одиночества, а «чудесное снадобье» или «пилюля бессмертия», что толчет Белый заяц, оказывается столь же желанной, сколь и ненужной. Все действия «вечности» в тексте противопоставляются обыденной жизни, состоящей из череды перемен (*цю фу чунь* 秋复春 – «осени, что весны сменяют»). Данное противопоставление создает ощущение сиюминутности бытия и неизменности ценностей древности. Обратим внимание также на то, что выражение «весны и осени» в китайском языке указывает не столько на смену сезонов, сколько на течение времени, – не случайно одна из известнейших китайских хроник так и называется «Чуныцю» («Весны и осени») и охватывает период 722 – 468 г. до н.э.

Шестая строка (今人不见古时月, 今月曾经照古人) сообщает о том, что *цзинь жэнь* 今人 «современные людям уже не увидят» *гу ши юэ* 古时月 – «луны древних времен», а *цзиньюэ* 今月 «сегодняшняя луна» *цэнцзин* 曾经 – «уже

никогда не будет светить» *гу-жэнь* 古人 «как это делала она людям древности». Таким образом, Ли Бо объясняет, что современным людям уже недоступна древняя мудрость, да и сама мудрость не транслируется на современных людей. Символика луга намекает на вечность и неизменность мудрости во всех её проявлениях, но её сокрытый смысл, то есть смысл «мудрости прошлого» уже не доступен ныне живущим людям. В этом стихотворении Ли Бо проявляется вполне традиционный для китайской поэзии мотив разрывности «древнего» и «нынешнего» и лексически «*гу-цзин*» означают не только «протяженность времени от прошлого до настоящего», но и бинарную оппозицию, несмыкаемость «прошлого» и «настоящего».

В седьмой строке «Что люди прошлого, что люди нынешние, – подобны все они воды потокам. Ведь вместе все они одинаково на луну глядят» (古人今人若流水，共看明月皆如此) временные единицы вновь представлены парой *гу* 古 «древность» и *цзинь* 今 «современность», а динамика – образом непрерывного потока смены древних людей современными (古人今人若流水). Несмотря на кажущуюся близость лексических способов выражения с предыдущей строкой, в данной фразе вместо «несмыкаемости» прошлого и настоящего мы наблюдаем восстановление временного континуума, причем объединяющим компонентом выступает именно «любование общей луной». Вообще, символика луны как низменного и порою единственного спутника странника – как во времени, так и в пространстве – оказывается важнейшим «временным мотивом» и указателем на «вечность» в китайской поэтике.

И завершающая фраза: «Хотел бы я, чтобы в часы эти, когда слагаю я строки о вине, длинный луны луч отражался бы в кубке золотом моем» (唯愿当歌对酒时，月光长照金樽里) подчёркивает, что луна, отражаясь в кубке, символизирует вечность, которая противопоставлена ускользающему и проходящему моменту. Иероглиф *ши* 时 – «время», «период» можно трактовать как «короткий момент», который противопоставлен чему-то протяжённому, выраженному иероглифом *чан* 长 – «долгий» или «длинный» луч луны.

Таким образом, в проанализированном тексте указание на время и подходящий (по времени) случай выражается лексической единицей *ши* 时, динамика смены событий представлена парами современность – древность (*цзинь* 今–*гу* 古), ночь – утро (*сяо* 宵–*сяо* 晓), осень – весна (*цю* 秋–*чунь* 春); единица *цэнцзин* 曾经 «уже никогда» указывает на необратимость события во времени.

Лексемы времени, использованные Ли Бо, имеют более глубокий смысл: они не только указывают на «сегодня» и «вчера», а являются элементами языковой игры. Играя со значением слов, прямыми и косвенными намёками, поэт создает ощущение проживания в одном бесконечном пространстве, где прошлое и настоящее вплетены друг в друга, а мир – столь же реален и даже физически болезнен (например, возникающий мотивы переживания), а также абсолютно мистичен и ирреален.

Работая в жанре *юэфу* 樂府 – традиционной китайской лирической поэзии (обычно в пять иероглифов), часто создаваемой в подражании народным

напевам, Ли Бо выстраивает причудливую картину, играя образами, которые внезапно «перебрасывают» человека из настоящего в прошлое. Причем для этого он не использует явные указатели (такие, как «вчера» или «древность») – автор достигает данного эффекта с помощью символов, хорошо понятных китайскому читателю, но плохо «прочитываемых» в переводах на западные языки. Например, одним из таких прецедентных указателей-символов на перенос в прошлое у Ли Бо может служить старая, искривлённая временем сосна; крик ночной кукушки; «взирание» вдаль; чтение нараспев стихов поэта древности и даже сорванная ветром шапка.

Ли Бо пользуется множеством приемов, чтобы перенести временной континуум на континуум переживательный. Например, он пишет об иве (лю 柳), иероглиф которой омофоничен понятию «протекать или «утекать», «ускользнуть» (流), подобно тому, как жизнь утекает вдаль». Рисуя образы вне пространства или конкретного места, Ли Бо пользуется методом аллюзии и тем самым перенаправляет внимание читателя не на конкретный отрезок времени или событие, а на прошлое вообще [71]. Такой прием позволяет ему создавать ощущение вечно возвращающегося или бесконечно обновляющегося прошлого. Ли Бо практически постоянно апеллирует к прошлому или уходящему, создавая для читателя возможность пережить личный прошлый опыт, как глубоко интимный. Именно сокровенность прошлого дает ощущение истинности любого, уже прошедшего события.

Благодаря «игре со временем» Ли Бо стремится выстроить образ «сквозного» времени и стремительности проживаемой жизни – жизни, как моментальной вспышки мудрости и переживания. При этом сам «промежуток» проживания жизни как таковой оказывается не столь существенным, как понятия «вчера» и «сегодня», то есть, воспринимаемые как начальная и конечная временные точки. Мы сталкиваемся с намеренным «забыванием», ускользанием от того, что уже произошло – не случайно Ли Бо никогда не описывает «происходящее», а только уже «произошедшее». Проследим, как проявляется «намеренное забывание», на примере анализа стихотворения «Пишу о своих чувствах, что посылаю младшему двоюродному брату, начальнику области Бинчжоу» (书情寄从弟邠州长史昭) (подстрочный перевод здесь и далее выполнен А.А. Масловым).

1 Смеюсь я над собой – сколь долго гостем я брожу!	自笑客行久
2 Когда же в движении своем остановлюсь я?	我行定几时?
3 И вот пора уже обломать зеленой ивы ветки	绿杨已可折
4 Что вытянулись длиннее всех	攀取最长枝
5 Взмывают они вверх – я ж наслаждаюсь их весенним цветом.	翩翩弄春色
6 И долго стою в ожидании, тоской снедаем	延伫寄相思
7 Но кто сказал, что вещь эту мы ценить должны?	谁言贵此物?
8 Стремления мои – ценнее, чем нефритовый цветок.	意愿重琼蕤

9	Вчера во снах своих увидел я Хуэйлянь	昨梦见惠连,
10	А поутру сегодня читал я нараспев стихи Се-гуна.	朝吟谢公诗
11	Восточный ветер разворошил лазоревую траву	东风引碧草,
12	И невольно скрыл цветочный пруд	不觉生华池
13	Смотрю я вдаль – внезапно сумерки настали!	临玩忽云夕,
14	Скорбен крик ночной кукушки	杜鹃夜鸣悲
15	Скучаю по тебе в своих весенних песнях	怀君芳岁歇
16	Лишь деревья во дворе красный нектар проливают	庭树落红滋

В первой и второй строках автор использует антитезу, построенную на противопоставлении «бродить, ходить» (*син* 行) и «остановится, осесть» (*дин* 定), создающую внутреннюю динамику стихотворения и указывающую на стандартную бинарную оппозицию даосского текста «движение – покой». Далее весь стих построен на неявной антитезе, которая и создает для читателя ирреальность временного континуума. Размышления автора изменяют ток времени и позволяют встречаться с героями прошлого – с теми, кто близок и дорог сердцу, соединить прошлое и будущее, грезы и реальность. Новая антитеза в 9-10 строках усиливается благодаря использованию прецедентного имени. «Вчера во снах увидел... а по утрам сегодня читал я нараспев...» (昨梦见...朝吟). Ночью поэт видит Хуэйляня, то есть интеллектуала и поэта Се Хуэйляня (397-43 гг., 谢惠连), чье имя стало нарицательным символом добрых дружеских чувств, а утром нараспев читает его же стихи (строка 10). К образу Се Хуэйляня Ли Бо прибегал не раз, например в стихотворении «Весенней ночью на пиру сижу я в персиковом саду с друзьями» («春夜宴从弟桃花园序»), поэт также описывает, как быстро летит время, а жизнь проносится, как мимолетный сон. Примечательно, что имя поэта Се Хуэйляня, с которым Ли Бо разделяют несколько столетий, внезапно оказывается своеобразным экспликатом времени – символом тонкой, но светлой грусти о прошедшем (несколько иную трактовку смысла временных аллюзий стихотворения можно найти в работе Паулы Варсано [71, с. 260-261]).

Поскольку воспоминания поэта модифицируют время, отсылка к символу Се Хуэйляня (то есть к прошлому и скорбному) сразу же вызывает ассоциации с другим прецедентным феноменом – кукушкой (строка 14), её скорбным криком, возвращающим читателя и автора в настоящее время.

В последующих строках также обыгрывается стремительная «смена» «настоящего» и «прошлого», надежды на обновление и реминисценции прошлой мудрости. Так, «ветер с востока» (*дун фэн* 东风) – символ весны, обновления и ожидания будущего, равно как и «лазорево-зеленая трава» (*би цао* 碧草), которую «расшевелил весенний ветер» – символ свежести и зарождения, при этом у нее есть и другой подтекст – из «свежей травы» делали соматический напиток, вино, которое всегда так почитал Ли Бо. «Цветочный пруд» (*хуачи* 华池) – символ бессмертия и вечной красоты, но одновременно это и намёк на упоминание

навшегося выше Се Хуэйляня, который писал о «цветочных прудах». Таким образом, фразу можно понимать так: «ожидания будущего пьянят и уносят мысли о вечном».

Время изменяется внезапно, и именно воспоминания «опрокидывают» его, заставляют течь вспять (строка 13): «Смотрю я вдаль – внезапно сумерки настали!». Эффект «внезапности» (ху 忽) переворачивает время и по сути устраняет всё, что было в промежутке между утром и вечером. Подобный прием – моментального продвижения по времени – приводит к идее о столь же моментальном прозрении человека (дун у), которое активно проповедовалось в период жизни Ли Бо одним из направлений чань-буддизма.

Ли Бо превращает прошлое в особый тип личной мудрости, отсылая нас к универсальной мудрости вообще, одновременно используя вполне стандартное для даосской философии понятие «самозабвения», «самоутраты в прошлом», при котором время становится неактуальным. Само же воспоминание «слоится», проходит как бы на нескольких временных уровнях, и читатель вслед за автором, словно «взбирается по воспоминаниям», каждый раз выверяя «истинного человека» в себе. Такое многослойное время можно наблюдать в известном стихотворении «Всхожу на гору в праздник двойной девятки» («Цзюжидэншань» 九日登山), а также в стихотворении «Праздник двойной девятки» (цзюжи 九日). Праздник «двойной девятки» или 9-е число 9-го месяца по лунному календарю в Китае традиционно считается праздничным днем. В этот день принято запускать воздушных змеев и устраивать фестиваль хризантем.

В первом стихотворении автор обыгрывает антитезу «настоящего и прошлого», как противопоставление «прихода» (лай 來) и «ухода» (го 過), что в переводе ниже обозначено как «пропустить мимо».

Придя сюда, лишь разочаровался я.

我來不得意

В пустых делах промчался мимо праздник двойной девятки.

虛過重陽時

«Ускользание» и «истечение» времени передается и в другой части стихотворения благодаря иероглифам «сдувать ветром» (чуй 吹) и «расстаться или распрощаться» (бе 別), которые способствуют погружению читателя в воспоминания о прошедшем, о друге:

Шапка слетела, ветром осенним унесена.

帽逐秋風吹

Прощаюсь со всеми, на башню всхожу

別後登此臺

Сказать бы хотел: «Хоть в мыслях вернемся друг к другу»

願言長相思

Перенос во времени, резкий «скачок», смена временных пластов достигается Ли Бо с помощью темпоральных лексических единиц, ярких символов, прецедентных феноменов в стихотворении «Праздник двух девяток»:

1 Сколь прекрасен сегодня облачный пейзаж

今日云景好，

2 Воды – лазурны, осенние горы светлы

水綠秋山明。

3 Чашу беру, «нектар бессмертных» пью

携壺酌流霞

4 Срываю хризантему – уплыл ее цветок	寒菊泛寒荣。
5 Уходят земли вдаль, сосны и камни древностью полны	地远松石古
6 Ветер разносит чистейший звук флейты и цитры	风扬弦管清
7 Взгляд в кубок радостью лицо озарит	窥觴照欢颜
8 Веселюсь я над собой – себе ж я сам и подношу!	独笑还自倾
9 Роняя шапку, пьяным танцую я, на месяц в горах глядя.	落帽醉山月
10 И в песнях пустых друзей вспоминаю	空歌怀友生

Стихотворение наполнено символами вечности и даосского бессмертия – автор пьет «нектар бессмертных» (люся 流霞) – сливовое вино. Этот «нектар» является мостом между современностью и древностью, автор не пьянеет, а лишь пересекает границу времени (строка 5): «уходят земли вдаль, сосны и камни древностью полны». Лексическим экспликаторм «переноса во времени» в этих строчках является иероглиф «уходить вдаль» или «отдаляться» (юань 远), который коррелирует с иероглифом «уплывать» (фань 泛) в строке 4, и возникает символический образ «разносящихся в чистоте звуков» (строка 6). Прецедентное высказывание «ронять шапку» (ломао 落帽) в строке девятой требует отдельного комментария. Это выражение связано с историей, изложенной в «Истории династии Цзинь» «Цзиньшу», описывающей события III-V вв. В главе «Биография Мэнцзя» описывается история военного похода Хуань Вэнь (IV в.) известного полководца царства Восточная Цзинь. Как-то 9-го числа 9-го лунного месяца Хуань Вэнь отдыхал в горах Луншань («Драконьих горах»), вокруг него собрались его помощники, среди которых было много мелких чиновников, одетых в пышные ритуальные одежды, военные доспехи. В это время поднялся ветер, который сбил шапку с чиновника Мэн Цзя, известного своей скромностью, справедливостью и мудростью. Мэн Цзя этого даже не заметил, да и свита Хуань Вэня ничего не сказала, не желая указывать на его неловкость. Мэн Цзя продолжал пировать и поднимать тосты. Когда через долгое время Мэн Цзя отправился в туалет, один из чиновников, воспользовавшись моментом, поднял шапку и положил на место Мэн Цзя. Хуань Вэнь, не зная, каким достойным человеком был Мэн Цзя, приказал одному из чиновников написать короткое издевательское сочинение об этом случае, что тот и сделал, и положил текст издевательского сочинения под шапку. Мэн Цзя, вернувшись, увидел, что уронил шапку, тихо надел её и сел на место. Затем, прочитав издевательское сочинение, также спокойно попросил тушь и бумагу и «стремительно» написал изящный ответ. Все были поражены его мастерством и скромностью. Позже выражение «ронять шапку» стало обозначать празднование в период двойной девятки, когда люди поднимаются на горы и холмы, там пьют хризантемовое или сливовое вино и сочиняют изящные строки. Строки (9-10) вызывают ассоциации с данной прецедентной ситуацией и могут служить характеристикой поведения честного интеллектуала, который, даже в условиях насмешек и

увольнения со службы (здесь Ли Бо намекал на себя), сохраняет достоинство и светлый ум. Таким образом, для китайского читателя, знакомого с прецедентным феноменом, «ронять шапку» является и очевидным указанием и на тип поведения, и одновременно – лексическим экспликатором времени, указывающим на 9 число 9-го месяца.

Таким образом, в стихотворениях китайского поэта Ли Бо используются различные способы выражения временных категорий. Темпоральные лексические единицы, указывающие на время («сегодня», «в прошлом»), символы («тень бамбука», «кокосовый крик», «ветер с Востока» и т. д.). На наш взгляд, важную роль в поэтической системе Ли Бо сыграли художественные средства выразительности, такие как антитеза («Поздняя ночь – раннее утро» (сяо – сяо), «осень – весна» (цю – чунь) и т. д.), прецедентные феномены.

2.2 Место темпоральных лексических единиц в образной системе Ли Бо

В то же время в стихотворениях Ли Бо время является символом сиюминутности жизни, обретение внезапной мудрости – частью особой образной системы. Понимание глубинного смысла лексических единиц, с помощью которых фиксируется «время» в поэтическом тексте Ли Бо, невозможно без расшифровки символов китайского языкового сознания, отражающего национальную картину мира, а также особой эстетики, образности поэтического мира поэта.

Обратимся к стихотворению 早发白帝城 «Ранний отъезд из города Байди» (白帝城 – белый императорский город)*

1 Утром прощаюсь с местечком Байди с яркими радужными облаками	朝辞白帝彩云间，
2 В Цзянлин (уезд городского округа Цзинчжоу 荆州 в провинции Хубэй 湖北) до которого тысяча ли вернусь за один день	千里江陵一日还。
3 По двум берегам звуки обезьяньих (бесхвостая, человекоподобная обезьяна; гиббон) криков/визга не заканчиваются	两岸猿声啼不尽，
4 А легкая лодка уже миновала десять тысяч горных рядов	轻舟已过万重山

Стремительность действий, быстрая смена событий в этом стихотворении, может быть понятна только если знаешь об обстоятельствах, в которых оно было написано.

В 757 году Ли Бо был обвинен в измене императору и несколько месяцев провел в тюрьме. Го Цзыи, градоначальник Цзююаня, которого когда-то раньше Ли Бо спас от смертной казни, вернул поэту долг чести и написал прошение

императору с просьбой о его помиловании. И смертную казнь поэту заменили на далекую ссылку самой строгой категории «на три года за три тысячи ли от столицы» [62, с.253]. Такие расстояния в те времена преодолевались очень долго. Само место ссылки – Елан, находилось по мнению поэта на краю земли. Он был крайне опечален и разлукой с близкими людьми, и невероятной удаленностью ссылки.

В 759 году на пути к Елану (до которого он еще не доехал) он остановился отдохнуть в живописном городе Байди 白帝 (о нем говорится в первой строке), и именно в этом городе до него дошли сведения о его помиловании в связи с амнистией и об отмене наказания. Конечно, такое известие он воспринял с огромной радостью и немедленно повернул в обратный путь. Это стремление быстрее покинуть город может заключаться в некоторых значениях иероглифа 辞 «отклонять (например, предложение), устраняться от дел, прощаться, отклоняться, удаляться».

Дорога к печальному месту ссылки представлялась поэту долгой и утомительной, обратный путь на волне воодушевления хотелось проделать быстро. В государственных законодательных актах были обозначены маршруты и проведены расчеты скорости передвижения ссыльных, так скорость передвижения на малой лодке, о которой, видимо, и говорится в стихотворении, определялась как 30 ли в день [62, с.254]. Тот пункт назначения на обратном пути, о котором говорит поэт, город Цзянлин 江陵, по тексту стихотворения находится на расстоянии в тысячу ли, и он собирается преодолеть это расстояние всего за один день (вторая строка). Эта часть произведения и показывает связь пространства (расстояния до места назначения) и времени (необходимого для преодоления расстояния), но при этом поэтически пытается разорвать объективную зависимость этих категорий от физических возможностей скорости перемещения.

Лексические единицы, напрямую выражающие категорию времени в стихотворении:

- *джао* 朝 – утром; она же одновременно может являться предлогом направления действия в отношении следующего иероглифа 辞 – удаляться или означать «быть повернутым (обращенным) к...»; может иметь значение «начала, нового периода», что соответствует смыслу текста; при произношении *cháо* означает «дела управления, вопросы политики» или «императорский двор (правительство)» и в этом смысле иероглиф может представлять причину отъезда;

- *и жи* 一日 один день.

Косвенное указание на время присутствуют в других строчках.

Так, например, во второй строке время передается через лексическую единицу, которая относится к пространственной лексике – расстояние в тысячу ли 千里 требует много времени для преодоления (но поэт в своем воображении намеревается его пройти за один день, что, конечно, физически невозможно, но есть мысль!).

В четвертой строке 轻舟已过万重山 «легкая лодка уже миновала десять тысяч горных рядов» поэт указывает на время посредством скорости лодки, од-

нако время снова субъективное, которым он хочет ускорить движение своего судна.

«Скрытые смыслы» мы расшифровываем, опираясь на жизнеописание Ли Бо. Опальный поэт получил прощение императора и стремится как можно быстрее вернуться домой и к обществу. С одной стороны то, что по тексту произведения лодка уже миновала десять тысяч горных рядов, а крики обезьян все не заканчиваются, дает ощущение нетерпеливого ожидания поэта быстрее пройти этот этап пути, крики обезьян *юаньшэнтхи* 猿声啼 – это то состояние, из которого он хочет вырваться, которое нужно преодолеть. С другой стороны, образ обезьяны в китайской мифологии и литературе положительный и символизирует ловкость, жизнестойкость и изворотливость (самый яркий представитель – царь обезьян Сунь Укун) [28, с.230]. Поэтому то, что крики обезьян не заканчиваются, может означать определенную подбадривающую и ускоряющую на протяжении всего пути силу, энергию.

В стихотворении 望庐山瀑布 «Наблюдаю/любуюсь Лушаньским водопадом» (лушань 庐山 – горный комплекс в провинции Цзянси) Ли Бо рисует картину живописного водопада, стекающего как будто с небес. Вода в китайской культуре является олицетворением холодной женской энергии *инь* 阴, стекающая вода – символ текущего времени.

- 1 Курильница солнечного света разжигает/рождает фиолетовую дымку, 日照香炉生紫烟,
- 2 Наблюдаю издали каскад/водопад свисающего впереди 遥看瀑布挂前川。
- 3 Стремительное стекание прямо вниз на три тысячи чи, 飞流直下三千尺
- 4 Догадываюсь, что это млечный путь ниспадает (как волосы) с (высоты) девятого неба (самая высшая сфера небес). 疑是银河落九天

В первой строке метафора построена на символизме лексемы «курильница», которая является «способом доставки на небо», традиционным пожеланием счастья. Поэт в необычного цвета облаке, которое образовалось из водной пыли водопада, видит дым от курения благовоний. И это струящееся облако – способ экспликации времени, его течения. Кроме того, метафора придает действию мистический, ритуальный смысл.

Во второй строке выражение *гуатсиеньчхуань* 挂前川 – это не просто свисающий, а как бы зацепившийся (*гуа* 挂) впереди (за переднюю часть облака, о котором сказано выше) поток. Этим словом *гуа* 挂 поэт весьма искусно передает свое необычное восприятие водопада, для него это что-то большое, что повисло на передней части дыма от ритуальных курений. Еще одно слово – *луо* 落 ниспадать может быть применено в отношении длинных волос, и оно еще более подчеркивает образ чего-то более статичного, чем вода, не текучего.

А длина эти волос сама является пространственным показателем, передающим лексической единицей *чхан* 长, которая может выражать категорию времени.

С одной стороны, образ утекающей воды, который рождает такие единицы, как *пхубу* 瀑布 водопад, *фэйлю* 飞流 стремительное/летающее стекание, символизирует непрерывное движение времени, тот самый временной континуум, следы которого мы ищем в произведениях великого поэта. С другой стороны он вдруг останавливает этот поток статической картинкой длинных свисающих волос или далекого млечного пути, спускающегося с самых высоких небес, отражающего неземной характер всего происходящего.

Лексика с прямым указанием на время – единственное слово *жи* 日 день (первая строка). Это слово в контексте стихотворения может иметь как прямой смысл «дневной свет», так и косвенное значение «солнечный свет» *жи джао* 日照, которое указывает на то, что действие происходит при солнечном свете, т.е. днем.

Скрытые смыслы по нашему мнению заключены в символике движущейся воды, соотносимой с течением времени, которое под впечатлением от неземного пейзажа поэт вдруг решает остановить.

Стихотворение 送孟浩然之广陵 «Провожая Мэн Хаожаня в Гуанлин» описывает момент расставания Ли Бо со своим старшим другом, тоже поэтом, Мэн Хаожанем (689 – 740гг.).

- 1 Старый друг на западе простился с Башней желтого жу- 故人西辞黄鹤楼
равля,
- 2 Феерверки (дымчатые цветы/узоры) третьего месяца опустились на Янчжоу (городской округ в провинции Цзянсу). 烟花三月下扬州。
- 3 Одинокий парус как далекий блик на краю лазурного неба 孤帆远影碧空尽
- 4 Только лишь вижу Великую реку (Янцзы), текущую до 唯见长江天际流
горизонта (вытекающую за горизонт).

Примечательное место – Башня жёлтого журавля *хуанхэлоу* 黄鹤楼 (г. Ухань, провинция Хубэй, входит в число трёх великих башен южнее Янцзы), по преданиям именно с этого места великие святые древности возносились к небу на желтых журавлях. И это место, как отправная точка отъезда Мэн Хаожаня, приближает его в глазах Ли Бо к тем самым святым так, что друг его не просто уплывает, а подобно им возносится к небожителям. И в подтверждение этому он описывает, как уже почти теряет из виду маленький парусник, который уж так далеко *юань* 远, что виден только как блик, полунамек *йин* 影 на фоне неба. Но при этом он хорошо видит Великую реку, утекающую за горизонт вместе с его другом. Горизонт *тхеньдзи* 天际 можно перевести еще и как небосвод, и тогда Мэн Хаожань не просто скрывается вдали, а уплывает в небо. В первой строчке автор называет его *гу жэнь* 故人, что употребимо в значении

«старый друг», но также может иметь значение – «древний человек», что снова подчеркивает сравнение с великими предками.

Временными единицами явного характера здесь являются: *сань юэ* 三月 «третий месяц», *гу* 故 «старый/древний».

Косвенно на время происходящих действий могут указывать *еньхуа* 烟花, если переводить их как «фейерверки», то исходя из *сань юэ* 三月 «третьего месяца» можно предположить, что это фейерверки, связанные с весенними праздниками.

Кроме того, временные категории в этом стихотворении великого поэта передаются в виде зашифрованных символов. Факт того, что друг отправляется в путь от Башни желтого журавля и уплывает в небо, намекает на его путешествие в вечность. Сама река течет по земле, упирается в горизонт и вытекает в небо. Это очень яркий символ движения времени, которое, как мы увидели в первой части исследования, точно так же вместе с поколениями людей движется от бренной земли в направлении небес. И этот символ как проявление вечного и неизменного порядка вещей можно противопоставить сиюминутному – фейерверкам, опустившимся на город Янчжоу.

Еще одну единицу – *си* 西 (из первой строки) мы перевели как «запад». Как мы уже отмечали, в системе «небесных стволов» *тхеньгань* 天干 категории «запад», «металл» и «осень» взаимосвязаны. Если *си* 西 в этом стихотворении олицетворяет осень, то первая строка будет звучать: «Старый друг осенью простился с Башней желтого журавля». Однако, *сань юэ* 三月 «третий месяц» в следующей строке прямо указывает на весну, поэтому определить однозначный смысл слову *си* 西 достаточно трудно, в рамках данного исследования оставим его «скрытым».

Следующее стихотворение 乌夜啼 «Ворон ночью кричит»

1 Желтое облако на окраине города, где ворон собирает-
ся присесть,	黄云城边乌欲栖，
2 Летит к пристанищу, «кар-кар», на ветке начинает кар-
кать.	归飞哑哑枝上啼。
3 На станке ткёт парчу Циньчуаньская женщина (место
Циньчуань относится к равнине Гуаньчжун на севере
Шэньси и Циньлинских гор),	机中织锦秦川女，
4 Зеленая (яшмовая) вуаль – лишь дымка отделяющая от
шума за окном.	碧纱如烟隔窗语。
5 Челнок с досады остановлен при мысли о далеком че-
ловеке,	停梭怅然忆远人，
6 Одной ночевать в пустом доме, проливая слезы подоб-
но дождю.	独宿孤房泪如雨。

В первой строке присутствует лексема «облако» *юнь* 云, которое в китайской традиции имеет благопожелательное значение (облака ассоциируются с

дождями, которые необходимы для хорошего урожая; облака находятся высоко над землей, поэтому с ними сравнивают человека, занимающего высокое положение; облако созвучно со словом 韵 напев/прекрасный звук/рифма, поэтому его связывают с творчеством, поэтическим настроением [28, с.234-235]), но в данном случае важнее его созвучие с иероглифом 运 «доля, участь, судьба, рок». Желтый цвет тоже кроме ассоциации с золотом и имеет значение «увядший, бледный, истощенный». Образ ворона также не однозначен. В мифологии это птицы, живущие на солнце, посланцы богини Си Ванму. В древней поэзии встречается отождествление воронов с лицемерными людьми, т.е. они могут являться отрицательными персонажами. От крика ворона женщина прерывает работу и вспоминает о далеком человеке, в связи с которым она будет проливать слезы, оставаясь в осиротевшем доме.

Маркером времени в прямом значении является слово 夜 «ночь, ночной» в названии стихотворения. Косвенно на ночное время указывает слово 宿 «останавливаться на ночлег, ночевать, ночевка» в последней строке. Скрытым образом течения времени передается в виде монотонной работы за ткацким станком. Женщина находится в «собственном времени», отгороженная от суетной жизни своей тонкой тканью. Но крик ворона отрывает ее от размеренного жизненного течения и возвращает к мыслям об утрате и о наступающей ночи, когда необходимо будет оторваться от успокоительного занятия и вновь поддаться горестным раздумьям. В тексте время дня противопоставлено времени ночи в виде оппозиции спокойного дневного действия (机中织锦 «на станке ткать парчу» и ожидания ночных переживаний (独宿孤房泪如雨 «одной ночевать в пустом доме, проливая дожди слез»)).

Следующее произведение написано в городе Лоян провинции Хэннань и несет в себе ощущение светлой тихой радости от прихода весны (春夜洛城闻笛 «Весенней ночью в городе Лоян разносятся звуки флейты»).

1 В чьем-то доме нефритовая флейта тайно выводит мелодию,	谁家玉笛暗飞声
2 Разносит наступающую весну и наполняет ветерком Лоян.	散入春风满洛城。
3 Среди этой серенады звук сломанной ветки ивы (на память уезжающему; образ прощания),	此夜曲中闻折柳
4 Какой человек не сможет ощутить любовь к родным местам	何人不起故园情。

Самыми яркими экспликаторами темпоральности являются, на наш взгляд, в этом стихотворении следующие лексические единицы:

- чхунь 春 – весна (в названии и во второй строке);
- е 夜 – ночь (в названии);
- вместе они – чхунь е 春夜 – весенняя ночь.

Весна, как любое время года, прежде всего указывает на время. Но темпоральность представлена и образами «сломанной ветки», звучанием мелодии» и т.п.

Говоря о звуке сломанной ветки ивы *вэньджэлю* 闻折柳, поэт отсылает нас к названию печальной мелодии, которая часто звучала в питейных заведениях и символизировала разлуку. Этот сюжет в тексте появляется внезапной нотой на фоне благостного весеннего состояния. Возникшие мысли о расставании вызывают в поэте ностальгию, любовь к родным местам.

Нефритовая флейта *юйди* 玉笛 в этом стихотворении тоже не случайный предмет. Нефрит – самый почитаемый в Китае из полудрагоценных камней, он символизирует чистоту. И чистая нефритовая флейта, выводящая над городом чистую весеннюю мелодию, по сути сама является «скрытым символом» приходящей весны. Внутреннее течение времени текста разделено звуком сломанной ветки ивы, печальная мелодия меняет радостное весеннее настроение на легкую тревогу, сменяющуюся чувством привязанности к родине.

Стихотворение 客中行 «В гостях» описывает чувства поэта к местечку Ланлин, где, несмотря на то, что он гость, он чувствует себя как дома.

1 В Ланлине отличное вино Юдзинсиан (с ароматом	兰陵美酒郁金香,
куркумы)	
2 Нефритовую чашу подают полной янтарного света.	玉碗盛来琥珀光。
3 Однако хозяин может напоить гостя так,	但使主人能醉客，
4 Чтоб не понимал, что это чужая земля.	不知何处是他乡。

Лексические единицы, которые ученые традиционно называют темпоральными, в этом произведении отсутствует. Но образ времени, вернее, безвре́мения передан несколькими образами – символами: вином, нефритом, желтым (янтарным) цветом.

Как известно, Ли Бо был любителем вина и в первой строке произведения говорит о его Ланлинском сорте 郁金香. Во второй строке снова возникает тема нефрита. Фраза «нефритовые чаши подносят полные янтарного света» 玉碗盛来琥珀光 говорит о наслаждении поэта эстетикой происходящих действий: в драгоценной чистой чаше ему приносят напиток оттенка светлого янтаря. Время передается через ощущение неспешности происходящего. Последние строки 醉客不知何处是他乡 «напоить гостя, чтоб не понимал, что он в чужих краях» говорят о том, что скоро гость придет к состоянию забытия, не понимания происходящего, и, следовательно, к утере связи с течением времени.

Следующее стихотворение описывает красоту места в горах Тяньмэнь, которое и в наше время считается уникальным природным сооружением, которое посещает множество туристов. Вид как бы расколотой надвое горы похож на приоткрывающиеся створки огромных ворот, и он дал название Тяньмэнь-

шан 天门山 – гора небесных ворот. При династии Тан здесь на вершине был построен храм. 望天门山 «Смотрю (вдаль) на Тяньмэньшан».

1 Небесные ворота в центре разделились, река Чуйцзян 天门中断楚江开,
(теперь Янцзы) их открывает,

2 Изумрудные воды текут на восток, достигая этого мес- 碧水东流至此回。
та, кружатся в водовороте.

Два берега заросших лесом гор напротив друг друга воз- 两岸青山相对出,
вышаются,

Одинокaя лодка щепкой на границе дня (солнца) выплы- 孤帆一片日边来。
вает.

Небесные ворота открывают проход из земного мира в мир небесный. Реку Янцзы Ли Бо здесь называет Чуйцзян 楚江, так как в древности места, по которым она протекает, принадлежали царству Чу. Водами, текущими на восток *шуэй дон лю* 水东流, в Китае называют все реки. Красота реки подчеркнута ее изумрудным цветом, а динамика движения – водоворотами. Река протекает между двух гор, которые, находясь рядом, соревнуются друг с другом в высоте. Плывущая лодка, творение рук человека, представлена маленькой щепкой на фоне титанов-гор, затерянной среди величественного пейзажа. Так и человек согласно китайской философии занимает скромное незаметное место в окружающем мире.

Временной лексической единицей явного характера можно считать иероглиф *жи* 日 – день/солнце в четвертой строке.

Символы времени заключены в картинах вечного прекрасного пейзажа, в образе приоткрывающих вход к небожителям небесных ворот, река, открывая ворота, утекает в вечность, а символы вечности противопоставлены конечности и незначительности короткой жизни маленького человека.

В статье «Способы выражения временных категорий в стихотворениях Ли Бо» [50] мы уже обращались к анализу стихотворных произведений Ли Бо, в результате которого пришли к выводу о том, что многие его строки представляют собой не привычную нам передачу последовательности действий, а констатируют внезапно возникший образ, запечатлевают т.н. «фотографию» окружающего мира, т.е. имеют характер сиюминутности, быстрого поэтического эскиза. При этом автор зачастую опускает время представленного им момента, так что большая часть его произведений (особенно цикл пейзажной лирики) не содержит той темпоральной лексики, которую мы подробно описали в первой главе исследования. В текстах Ли Бо и отстраненное созерцание, и даосские идеи «забытия», прерывающего субъективную связь с временным континуумом.

Такое «застывшее время» рисуется автором и в других стихотворениях. Например, в произведении 独坐敬亭山 «Одинокий сижу в горах Цзиньтиншан».

1 Все птицы ввысь улетают.	众鸟高飞尽
2 Сиротливое облако одиноко уплывает в спокойствии.	孤云独去闲
3 Вместе рассматривать нам друг друга не надоедает.	相看两不厌
4 (у меня) имеется только лишь гора Цзинтхиншан.	只有敬亭山

Лексические единицы, стандартно имеющие темпоральный смысл, в данном тексте отсутствуют. Но само время присутствует в тексте в виде происходящих вокруг автора действий, в которых он находится «здесь и сейчас» в роли отстраненного наблюдателя. События, выражающие медленное течение времени разворачиваются вокруг него. Он – созерцатель, даосское мировоззрение заставляет отстраниться от общего потока времени и ждать подходящего прекрасного момента, в который он погружает свое сознание, переживает его и пытается зафиксировать. Стихотворный слог рождает неповторимую картину «быстрой живописи сеи (写意)» – нарисованных словами сиюминутных образов. И эта картина как попытка поэта остановить неотвратимо утекающее время.

Следующие два стихотворения мы уже упоминали выше: это стихотворение 赠汪伦 «Подношение Ван Луню», в котором встречается символический образ персика – символа дружбы и весны, народные песни с притопыванием, и стихотворение 夜宿山寺 «Ночью в горном храме». Рассмотрим лексические единицы, эксплицирующие время в первом стихотворении.

1 Ли Бо ступает на борт лодки, намереваясь отправиться в дальний путь,	李白乘舟将欲行,
2 И неожиданно слышит топот и звуки песен на берегу.	忽闻岸上踏歌声。
3 Воды Озера Персиковых Цветов глубиной в тысячу чи.	桃花潭水深千尺，
4 Не достигнут размеров тех дружеских чувств, которые подарил мне Ван Лунь.	不及汪伦送我情

Единственная стандартная темпоральная лексическая единица, присутствующая в этом стихотворении, – 忽 «неожиданный, внезапный; вдруг; незаметный, быстрый; мгновенно, стремительно» (вторая строка), передает внезапный момент неожиданного сюрприза, который организовал для Ли Бо его друг Ван Лунь. Ли Бо предстоит долгий путь домой, и 舟 «лодка» как воплощение категории движения, и лексические единицы 欲 行 «ожидание ухода» настроили читателя на особое ожидание медленно текущего вслед за лодкой времени в пути, но, Как и в произведении «Пишу о своих чувствах, что посылаю младшему двоюродному брату, начальнику области Бинчжоу» (书情寄从弟邠州长史昭), лексическая единица 忽 внезапно изменяет этот размеренный ход времени. Поэта, который в мыслях уже покинул это место, где он

гостил у своего друга Ван Луня, неожиданно возвращают назад звуки песен и топот, включая в тексте совершенно другой быстрый и радостный ритм организованного другом сюрприза. Внезапная радость настолько вдруг переполнила все пространство вокруг поэта, что он свои чувства сравнил с *тханьшуэйшэнь* 潭水深 глубиной озера в тысячу чи *тсиеньчы* 千尺. Сравнение и использование слова-символа *тхаохуа* 桃花 в названии озера воспринимается как символ дружбы и весны усиливает возникшие у поэта чувства.

Интересным, на наш взгляд, является и стихотворение 夜宿山寺 «Ночью в горном храме».

1 Вершина высотой в сто чи,	危楼高百尺,
2 Рукою можно звезды собирать.	手可摘星辰。
3 Не смею громким голосом говорить,	不敢高声语
4 Боюсь испугать небесных жителей.	恐惊天上人。

В данном стихотворении прекрасно описано то состояние, когда гораздо важнее слов несказанное, рассказ о моменте познания человеком мира посредством множества окружающих скрытых символов, когда только в тишине, вслушиваясь в голоса «тысячи вещей» окружающего мира, можно его воспринять, разгадав не обозначенное словами.

Два иероглифа «ночь» *е* 夜 и «ночлег, ночевать» *су* 宿 говорят о времени суток происходящего – о ночи и стоят в названии стихотворения вместе, сообщая о том, что монастырь в горах – это приют поэту на ночь.

Горы, как мы уже рассмотрели ранее, в китайской традиции имеют сакральный смысл, т.к. вершины гор касаются небесной сферы [69]. И автор к небу настолько близко, что «может рукой звезды собирать» 手可摘星辰. А нахождение в храме еще более приближает поэта к небожителям, так, что ему кажется, будто он может потревожить их своим голосом 惊天上人. Для небесных святых время не имеет человеческого значения, они существуют вне времени, и сближение с ними тоже освобождает человека от временного потока.

Стихотворение 静夜思 «Думы тихой ночью»

1 Край постели сверкает в свете луны,	床前明月光，
2 Видимо, инеем он покрылся.	疑是地上霜。
3 Вскидывая голову, любуюсь яркой луной.	举头望明月，
4 Опуская голову, тоскую по родным краям.	低头思故乡。

В данном произведении лексической единицей, содержащей прямое указание на время, является иероглиф *е* 夜 «ночь, ночью, вечером; мрак, темнота; тёмный», который находится в названии стихотворения. Дальше в тексте стандартные лексические единицы уже не используются. Способами выражения

времени становятся образы, сообщающие нам о нем косвенно. Сочетание иероглифов «сверкание в свете полной луны» *мин юэ гуан* 明月光 в первой строке и «любование полной луной» *ван мин юэ* 望明月 являются экспликаторами темпоральности, потому что мы понимаем, что действие происходит в ночное время. Лексема *шан шуан* 上霜 «покрываться инеем» во второй строке говорит нам о том, что события текста происходят в определённое холодное время года. Описание простых действий поэта: 举头望明月 «вскидывая голову, люблюсь яркой луной» и 低头思故乡 «опуская голову, тоскую по родным краям» говорит о вовлеченности его в ход течения времени. Иероглиф *сы* 思, который в названии мы перевели как «думы», имеет еще значение «тосковать, вспоминать» (и в четвертой строке мы воспринимаем его в этом смысле). Луна представляет собой символ этой тоски, тоски по родным краям. Воспоминания родных мест переносят автора назад в прошлое (или вперед в соответствии с китайской языковой картиной). В статье [50] мы указываем, что стихотворение описывает время, когда чиновник был вынужден находиться вдали от родных мест.

В произведениях Ли Бо, последователя даосской и буддистской традиции, категория времени является одной из основополагающих китайских философских постулатов, выраженную особыми языковыми средствами.

В результате анализа текстов стихотворений Ли Бо мы пришли к выводу, что для создания «временной картины мира» поэт использует не только лексические единицы, традиционно указывающую на категорию времени, но и лексические единицы, которые вне созданного автором контекста не имеют «временного значения».

Лексические единицы, традиционно указывающие на категорию времени, используемые Ли Бо:

- 朝 – утром;
- 一日 – один день;
- 日 – день, солнце;
- 三月 – третий месяц;
- 古 – древность/старина;
- 夜 – ночь, ночной;
- 春 – весна;
- вместе они – 春夜 – весенняя ночь;
- 忽 – неожиданно, внезапно; вдруг; незаметный, быстрый; мгновенно, стремительно;
- 时 – время, час; постоянно, подходящий случай; эра, эпоха, век;
- 今 – настоящее время, ныне, современный;
- 宵 – ночь, ночной, (темнота; темный ...);
- 晓 – рассвет, утренняя заря; утро; свет; утренний; светлый, ясный; на рассвете; предрассветный;
- 秋 – осень;
- 曾经 – уже, уже некогда, уже в своё время, прежде, когда-то; однажды;

- 昨 – вчера;
- и др.

Косвенные указатели на темпоральную составляющую не выражают категорию времени явно, а только через описание признака. В стихотворениях Ли Бо их много:

- 日照 – солнечный свет, который указывает на то, что действие происходит днем;
- 明月光 – сверкание в свете полной луны – ночное время;
- 望明月 – любование полной луной, передает смысл того, что действие происходит в ночное время;
- 上霜 – покрываться инеем, говорит нам о том, что события происходят в холодное время года;
- и др.

Течение времени может быть обусловлено описанием действий, событий, жизненных обстоятельств (как в стихотворении 早发白帝城 «Ранний отъезд из города Байди»).

Экспликация «времени» с помощью языковых универсалий пространства может проявляться в описании скорости перемещения. Автор применяет т.н. «темпоральную гиперболу» (термин, к которому мы обращались в первой части работы), когда собирается преодолеть тысячу ли (примерно пятьсот километров) за один день, что физически невозможно; этот прием сжимает в воображении пространство и ускоряет время.

Многие тексты содержат символические образы времени. Река/поток воды *чхуань* 川, текущие воды *люшуй* 流水, символизируют непрерывное движения времени. Высокие горы *шань* 山 приближают к небесному, вечному, не зависящему от хода времени, и таким образом останавливают время. Сам подъем вверх в гору символизирует естественное направление течения времени в китайской картине мира (например, 九日登山 «Всхожу на гору в праздник двойной девятки»). Луна символизирует вечное, неизменное во времени небесное тело, ее циклические перемещения символизируют т.н. «круг времени», в произведениях Ли Бо она также является мостом, соединяющим древность и современность, что особенно явно в тексте 把酒问月 «С кубком в руке вопрошаю луну».

Играя с такими символами – превращая туман над горой в дым от курения благовоний, останавливая водопад, фиксируя его в образе небесного млечного пути, Ли Бо выстраивает схему течения времени внутри текста, ускоряя и замедляя его.

Исторические места, с которыми связаны прецедентные истории (Башня жёлтого журавля *хуанхэлоу* 黄鹤楼) и прецедентные персонажи (предок Ли Бо поэт Хуэйлянь 惠连) обращают события в прошлое. А светлые образы весны рождают ожидание будущего.

Ход времени может медленно и благостно растекаться вместе с тихо мелодией нефритовой флейты, или двигаться монотонно в ритме работы ткацкого

станка, а затем внезапно прерываться звуком сломанной ветки ивы, криком ворона. Внезапность и неожиданность Ли Бо часто использует в своих текстах, А.А. Маслов сравнивает этот прием с внезапным просветлением в духе буддистских или даосских учений.

Для выражения динамики действий в текстах Ли Бо часто присутствуют противопоставительные бины (бродить, ходить *син* 行 – остановится, осесть *дин* 定, современность *дзинь* 今 – древность *гу* 古, ночь *сиао* 宵 – утро *сиао* 晓, осень *тсиу* 秋 – весна *чхунь* 春 и т.д.). Такая оппозиция имеет смысл и разделения двух точек на линии времени и наоборот в определенном контексте может выстраивать некий временной мост, который позволяет внутри произведения перемещаться между разными временными уровнями.

Таким образом, «скрытые смыслы» китайского языкового сознания в произведениях Ли Бо невозможно осознать без различных способов репрезентации категории времени, которые «создают» темпоральные образы. Анализ текстов стихотворений Ли Бо позволяет сделать вывод, что автором используются не только традиционные лексические экспликативы времени как базовые категории китайского языкового сознания, но и образы, созданные автором с помощью лексем, которые вне контекста не имеют «временного значения». Временной континуум не описывается, а рисуется через символические и часто понятные только китайскому читателю знаки, которые формируют «пространство события» между чем-то уже прошедшим и тем, что наступает, но никогда так и не произойдет. Поэтическая экспликация времени в стихотворениях Ли Бо происходит благодаря сочетанию темпоральных прямых и косвенных указаний, при этом косвенные доступны только тому, кто понимает образы, привязанные не только к значениям лексических единиц китайского языка, но и к прецедентным феноменам, связанным с конкретными событиями, к символам, которые были актуальны в отдельные эпохи.

Заключение

В ходе данного исследования были проанализированы труды российских и зарубежных исследователей и уточнено научное толкование терминов, определяющих лексику временного континуума. В связи с тем, что авторы многих научных работ используют различные термины для называния близкой дефиниции, в работе термины «временные лексические единицы», «темпоральные лексические единицы» и др. использовались как синонимы.

Кроме того, были проанализированы современные работы, посвященные исследованиям категории времени в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах в различных языках. Ученые отмечают, что существуют различия в восприятии времени в разных культурах, которые, прежде всего, можно наблюдать при анализе языковых универсалий, характеризующих способ отражения времени в языке. Такими универсалиями в отношении русской и китайской культуры являются представления о времени как о движении и выражение категории времени образами пространства и, как следствие, пространственными лексическими единицами.

Также анализ исследований лингвистов, лингвокультурологов и востоковедов позволил нам систематизировать особенности в отражении времени в китайской языковой картине мира:

- обращенность говорящего (человека) лицом к прошлому, его активное движение в сторону прошлого и пассивное ожидание встречи с будущим;
- предпочтение отстраненного наблюдения за процессом течения времени и ожидание нужного момента, чтобы его поймать и встроиться в ситуацию – соблюдение даосского принципа «недеяния» у-вэй;
- доминирование цикличности и антропоцентризма восприятия времени в китайском языке и культуре.

Затем для анализа были выбраны лексические единицы из стихотворений Ли Бо на оригинальном языке, выполнен перевод на русский язык, проанализированы различные способы выражения временных категорий. Проанализированные темпоральные лексические единицы, в стихотворениях Ли Бо разнообразны:

- 1 лексические единицы с явным темпоральным значением, стандартные для многих языков («сегодня», «в прошлом»);
- 2 лексические единицы, косвенно указывающие на время происходящего в тексте (символы («тень бамбука»), прецедентные феномены (Белый заяц);
- 3 лексические единицы, имеющие скрытый темпоральный смысл (художественные средства выразительности, такие как антитеза «Поздняя ночь – раннее утро» (сяо – сяо), «осень – весна» (цю – чунь) и т. д).

Таким образом, цель исследования реконструкция «временной картины мира» китайцев на основе темпоральной лексики в произведениях Ли Бо достигнута.

Результаты данного исследования дополняют и углубляют научные знания в области заявленной темы, приносят новую точку зрения в общую кон-

цепцию представления о категории времени в языке, дополняют научное знание о китайской языковой картине мира.

Список использованных источников

- 1 Айдарова, Д.М. Эпическое время и пространство в эпосе «Манас»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.М. Айдарова. – Алма-Ата, 1993. – 21 с.
- 2 Апресян, В.Ю. Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, Л.Б. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Санников, Е.В. Урысон. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
- 3 Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Язык и время / Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко – М.: Издательство «Индрик», 1997. – 352 с.
- 4 Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
- 5 Баркова, Э.В. Пространственно-временной континуум культуры: философско-культурологический анализ: автореф. дис. ... доктора филос. наук / Э.В. Баркова. – Волгоград, 2003. – 47 с.
- 6 Безенкова, М.В. Пространственно-временной континуум российского кинематографа переходного периода (1984-1992). К методике исследования экрана перестроенного времени: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / М.В. Безенкова. – М.: 2009. – 27 с.
- 7 Би Юэ Проблемы переводческой интерпретации китайской поэзии золотого века (на материале стихотворения Ли Бо «Подношение Ван Луню») // Юэ Би. – Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода – 2008 – №4 – С. 60 – 70.
- 8 Бичурин, И.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии / И.Я. Бичурин. – М.: Восточный дом, 2002. – 432 с.
- 9 Болотнова, Н.С., Филологический анализ текста: учеб. пособие / Н.С. Болотнова. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 520 с.
- 10 Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 01.06.2018).
- 11 Большой энциклопедический словарь – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: «Большая Российская энциклопедия»; СПб.: «Норинт», 2001. – 1456 с.
- 12 Боровская, Н.Е. Китайская культура во времени и пространстве / Н.Е. Боровская, С.А. Торопцев – М: ИД «Форум», 2010. – 480 с.
- 13 Булахтина Т.А. Современная научная проблематика интерпретации понятия «реалия». / Т.А. Булахтина // Ученый XXI века. – 2017. – №11 – 12(35) – С. 49 – 51.
- 14 Ван Луся Китайско-русский учебный словарь иероглифов // Луся Ван, С.П. Старостина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Восточная книга, 2013. – 368 с.
- 15 Ван Цзиньлин Древняя китайская поэзия в русском переводе / Цзиньлинь Ван. // Иностранные языки в высшей школе. – 2012 – №4(23) – С. 10 – 11.
- 16 Верещагин, В.М. Лингвострановедческая теория слова. / В.М. Верещагин, В.Г. Костомаров – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
- 17 Волкова Н.В. Некоторые проблемы передачи китайских языковых реалий / Н.В. Волкова, Т.А. Булахтина. // Филологические чтения: материалы Ме-

ждунар. науч.-практ. конф. / Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования "Оренбург. гос. ун-т"; Фак. филологии. – Оренбург: ОГУ, 2017. – 14 – 15 дек. – С. 155 – 158.

18 Воропаев, Н.Н. Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая / Н.Н. Воропаев. – М.: Издательство ВКН, 2015. – 384 с.

19 Воропаев, Н.Н. О проблемах классификации прецедентных имен и других прецедентных феноменов в китайскоязычном дискурсе / Н.Н. Воропаев. // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – №4. – С. 37 – 42.

20 Воропаев, Н.Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / Н.Н. Воропаев. – М.: 2012. – 315 с.

21 Воропаев, Н.Н. Прецедентные имена китайскоязычного дискурса и их роль в формировании китайской системы ценностей / Н.Н. Воропаев. // Бюллетень Общества востоковедов РАН. – Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008». – М.: Учреждение Российской академии наук «Институт востоковедения РАН», 2010. – С. 458 – 471.

22 Воропаев, Н.Н. Прецедентные имена и другие прецедентные феномены в китайскоязычном политическом дискурсе // Н.Н. Воропаев. – Политическая лингвистика. – 2011. – №1. – С. 119 – 125.

23 Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 144 с.

24 Гудков, Д.Б. Прецедентные имена в языковом сознании и дискурсе // Д.Б. Гудков. – Доклады и сообщения российских ученых. – МАПРЯЛ. – 1999. – С. 120 – 125.

25 Гудков, Д.Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации // Д.Б. Гудков. – Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – № 11. – 140 с.

26 Дубкова, О.В. Китайский язык. Лингвострановедение. В 2-х частях: учебное пособие / О.В. Дубкова, Н.В. Селезнева. – Новосибирск: НГТУ, 2011. – Ч. 2. – 148 с.

27 Задоев, Т.П. Начальный курс китайского языка / Т.П. Задоев, Шуйин Хуан. – М.: Восточная книга, 2012. – Т. 2. – 375 с.

28 Захарова, И.В. Удача по-китайски: как читать язык символов / И.В. Захарова, В.Ю. Захаров. – Ростов Н/Д: Феникс; Краснодар: Неоглори, 2010. – 404 с.

29 Карпов, В.П. Философы Греции, основы основ: логика, физика, этика. Аристотель / В.П. Карпов. – Харьков: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 1056 с.

30 Катунин, Д.А. Время в зеркале русской языковой метафоры: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.А. Катунин. – Томск, 2005. – 14 с.

31 Квак Хэ Ми. Время, пространство и герой в сказках К. Чуковского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Хэ Ми Квак. – М., 2012. – 17 с.

32 Коберник, Л.Н. Метафорический подход к изучению семантических описаний чувств и эмоций / Л.Н. Коберник // Вестник науки сибери – 2012. – №1(2) – С. 294 – 301.

33 Колкер Я.М. Эстетическое сопереживание – основа эквивалентности перевода / Я.М. Колкер // Иностранные языки в высшей школе – 2016. – №3 – С. 27 – 35.

34 Корнилов, О.А. Жемчужины китайской фразеологии / О.А. Корнилов. – М.: КДУ, 2010. – 346 с.

35 Кохан И.Н. Китайские пословицы как средство передачи национально-го менталитета в китайских СМИ на английском языке /И.И. Кохан // Между-нар.науч.-исслед. журнал – 2017. – №10(64) часть 1 – С. 80 – 82.

36 Красных, В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева // Вестник московского университета. – 1997. – № 3. – С. 62–74.

37 Красных, В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Филология, 1997. – № 2. – 192 с.

38 Ласица, Л.А. Внутреннее время текста: лексико-грамматические и он-тологические модели: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Ласица. – Челя-бинск, 2008. – 24 с.

39 Ли Бо и Ду Фу, Избранная лирика./ Ли Бо и Ду Фу, Пер. с кит. – М.: Дет. лит., 1987. – 223 с.

40 Лобанова Т.Н. Газетный заголовок прессы Китая: переводческий и прагмалингвистический аспекты / Т.Н. Лобанова // Филологические науки. Во-просы теории и практики. – 2013. – №4 часть 2. – С. 107 – 111.

41 Лобанова Т.Н. Политическая лексика в современном китайском языке (на материале масс-медийных источников) Т.Н. Лобаова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – №5 (23) часть 2. – С. 127 – 131.

42 Маслов, А.А. Китай и китайцы. О чем молчат путеводители / А.А. Маслов. – М.: Рипол Классик, 2013. – 289 с.

43 Маслов, А.А. Китайский чань-буддизм: истоки и сущность. Лекция доктора исторических наук. АCADEMIA. Канал Культура [Электронный ре-сурс]. Режим доступа: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/336087/video_id/336087/viewtype/ (дата обращения: 05.05.2018).

44 Маслов А.А. Китайцы не любят ссориться с государством [Электрон-ный ресурс] // Интервью 13 июня 2017. Режим доступа: <https://radiovesti.ru/brand/60933/episode/1510697/> (дата обращения: 01.06.2018).

45 Маслов, А.А. Колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала А.А. Маслов. – М: Алтейа, 2005. – 376 с.

46 Маслов, А.А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения / А.А. Маслов. – М.: Рипол классик, 2010. – 109 с.

47 Маслов, А.А. Почему Китай думает иначе? [Электронный ресурс] // Лекторий Вышки в Парке Горького. Режим доступа: <http://www.amaslov.me/video-2016.html?lang=ru> (дата обращения: 21.05.2018).

48 Маслов, А.А. Путь мистика и интеллектуала в Китае [Электронный ресурс] // Лекция доктора исторических наук. ACADEMIA. Канал Культура. Режим доступа: <http://mirznanii.com/v/TIEk7XPKsME-231281/academia-aleksey-maslov-put-mistika-i-intellektuala-v-kitae-kanal-kultura> (дата обращения: 28.05.2018).

49 Маслов, А.А. Секрет устойчивости восточно-азиатской культуры [Электронный ресурс] // Лекция доктора исторических наук. ACADEMIA. Канал Культура. Режим доступа: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/232890/video%20id/232890 (дата обращения: 01.06.2018).

50 Маслов А.А. Способы выражения временных категорий в стихотворениях Ли Бо / А.А. Маслов, И.И. Просвиркина, Т.А. Булахтина // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – №4 (71). – в публикации.

51 Маслов, А.А. Тайный смысл и разгадка кодов Лао-цзы. / А.А. Маслов. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2005 – 288 с.

52 Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.

53 Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус.яз., 1990. – 917 с.

54 Позднякова, Е.Ю. Языковое пространство города Барнаула: На материале русской народно-разговорной речи горожан: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Ю. Позднякова. – Барнаул, 2004. – 18 с.

55 Почепцов, О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110 – 122.

56 Просвиркина, И.И. Лексические единицы китайского языка, выражающие пространство (на материале философского трактата «Чжуан-Цзы») / И.И. Просвиркина, Е.А. Луценко // Вестник Оренбургского государственного университета – 2013 – №11(160) – С. 156 – 161.

57 Просвиркина И.И. Особенности лексических единиц, обозначающих пространство и время в китайском языке. / И.И. Просвиркина, М.В. Агарева, Т.А. Булахтина // Материалы Международной научно-практической конференции «Межкультурная коммуникация в глобальном контексте: проблемы языка, литературы и методики преподавания» / АРГУ им. К. Жубанова. – Актобе, 2018. – 11 апр. – С. 289 – 291.

58 Просвиркина, И.И. «Скрытые смыслы» речевой коммуникации / И.И. Просвиркина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – №11. – С. 116 – 119.

59 Сериков, А.Е. Восприятие времени в китайской культуре / А.Е. Сериков // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология» – 2016. – №2(20) – С. 50 – 61.

60 Степин, В.С. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В. С. Степин. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.

61 Тань Аошуан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность / Аошуан Тань. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.

62 Торопцев С. А. Жизнеописание Ли Бо – Поэта и Небожителя / С.А. Торопцев. – М.: ИДВ РАН, 2009. – 286 с.

63 Федотова, А.А. О языковых средствах выражения пространственно-временного континуума художественного текста / А.А. Федотова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – №1 – С. 302 – 307.

64 Чалабаева Л.В. Знаковость пространства и времени в контексте принятия решения / Л.В. Чалабаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – №4 (22) – С. 196 – 199.

65 Чугунова, С.А. Концептуализация времени в разных культурах: автореф. дис. ... доктора филол. наук / С.А. Чугунова. – Тверь, 2009. – 45 с.

66 Шаолань Сюэ. Chineasy каждый день. Знакомство с китайским языком и культурой / Сюэ Шаолань – М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2016. – 256 с.

67 Юан Дунбинь Выражение категорий времени и пространства в современной литературной сказке / Дунбинь Юан, Е.В. Хабибуллина // Филология и культура – 2014. – №4(38) – С. 221 – 228.

68 Югай, В. Б. Взаимодействие текста и комментария в китайской традиции на примере «Чжун-юн»: автореф. дис. ... канд. фил. наук / В.Б. Югай. – М.: 2004. – 18 с.

69 Ania Holub, Paul Simpson-Housley Sacred Taoist mountains and the poet Li Po // Prairie Perspectives: Geographical Essays – volume 4, 2001. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pcag.uwinnipeg.ca/Prairie-Perspectives/PP-Vol04/Holub-Simpson_Housley.pdf (дата обращения: 05.04.2018)

70 Sarah Duffy How our minds construct the past, present and future depends on our relationship with time // The Conversation UK, January 3, 2018 10.43am GMT. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://theconversation.com/how-our-minds-construct-the-past-present-and-future-depends-on-our-relationship-with-time-89253> (дата обращения: 06.05.2018).

71 Varsano, Paula M. Tracking the Banished Immortal: The Poetry of Li Bo and Its Critical Reception / Paula M. Varsano. – Univ of Hawaii Pr, 2003. – 250 с

72 李白诗集大全 («Полный сборник стихотворений Ли Бо») – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lz13.cn/shiju/51824.html> (дата обращения: 20.04.2018).